

Пассажир без лица

Автор:

Николя Бёгле

Пассажир без лица

Николя Бёгле

Иностраный детектив Инспектор Грейс Кэмпбелл #2

«Ты ищешь не одна». Это анонимное послание, оставленное на коврике у входной двери, произвело эффект сильнее удара электрошокера. Инспектор шотландской полиции Грейс Кэмпбелл поняла, что на этот раз у нее нет выбора. Она должна открыть давно запертую дверь тайной комнаты, расположенной в глубине ее квартиры. И встретиться лицом к лицу с жуткой историей, которая преследовала ее столько лет...

Николя Бёгле

Пассажир без лица

Было у них много детей, и жили они счастливо...

Двум моим феям, Жюльетте и Еве, и моей принцессе Каролине.

NICOLAS BEUGLET

LE PASSAGER SANS VISAGE

Глава 1

Две янтарные миндалины, висящие в темноте, уставились на Грейс из-за оконного стекла. Она ежедневно просыпалась в три часа утра, а он уже был здесь и смотрел на нее не моргая. Вздвигнув, она спустила одну ногу с кровати и поправила немного сползшую майку, чтобы скрыть грудь от чужого гипнотизирующего взгляда. По темной комнате, слабо освещаемой лишь светом уличных фонарей, прошла к окну, скрестила на груди руки и посмотрела на визитера сверху вниз. Она рассматривала его с легкой гримаской сомнения в углах губ, как смотрела бы на свидетеля, который, как ей казалось, лжет.

Но и сегодня она быстро сдалась на шантаж двух фосфоресцирующих шаров, горящих безмерной надеждой, и открыла окно коту, который мяукнул от удовольствия.

Порыв зимнего ветра поднял пушок на руках Грейс. В ночном воздухе висела приглушенная тишина, небо было затянуто тяжелыми снеговыми тучами.

Шерстка кота отражала размытый свет уличных фонарей и луны; он лизнул спинку, явно ожидая от молодой женщины реакции на подарок, который принес ей.

– Еще одна мертвая птичка, как мило... – прошептала Грейс еле слышно, чтобы не разбудить своего соседа и друга старика Кеннета, который – редкий случай – не проснулся сегодня ранним утром в рыданиях.

Кот перестал заниматься своим туалетом и нагнул голову. Грейс приняла сочувствующий вид, как будто обращалась к ребенку:

– Ты ни разу не видел меня охотящейся и, стало быть, спрашиваешь себя, чем же я питаюсь...

Кот аккуратно тронул лапой птичий трупик.

– Я принимаю к сведению твои сомнения относительно моих способностей к выживанию. И знай, твоя забота о моем спасении от голода меня очень трогает. Но, как ты можешь убедиться, у меня не только кожа да кости, – пошутила Грейс, похлопывая себя по небольшой складке на талии.

Кот выгнул спину и стал тереться о руку молодой женщины, но та отстранилась.

– Я прекрасно поняла, чего ты хочешь, но решила жить одна, совсем одна, без родственников, друзей, без всех, только с моими книгами... – сказала она, бросив взгляд на кольцо на пальце.

Кот сел и перенес свое внимание с Грейс на какую-то точку возле кровати, на которую уставился не моргая.

– Что это ты так рассматриваешь?

Животное пожирало глазами ночной столик.

– А, ты помнишь, – прошептала она. – Ты знаешь ритуал моей трусости...

Каждое утро, встав с постели, Грейс опускалась на колени перед столиком, открывала его единственный ящик, запускала внутрь руку и касалась пальцами клавишного пульта, колебалась и, наконец, вынимала руку, после чего резко захлопывала ящик.

– Знаешь, всего шесть месяцев назад я нашла в себе мужество взять ключ и открыть дверь. Но, когда снова увидела то, что за ней... дрогнула и тут же вышла. Я думала, что готова снова столкнуться с правдой... с той самой правдой, от которой зависит моя жизнь и которая меня так пугает.

Кот по-прежнему сидел, уставившись в одну точку, как будто стерег мышь у ее норы.

Грейс посмотрела в пустоту, потом глубоко вздохнула и села на край кровати.

– Порой бросаешься в расследование душой и телом, а когда приближается момент развязки, потихоньку его забрасываешь. Не из лени, а потому, что предчувствуешь ужасную правду, которую собираешься открыть. – Грейс состроила насмешливую гримасу. – Инспектор Грейс Кемпбелл, прославляемая властями Глазго за смелость, боится... самой себя.

Она с досадой махнула рукой и воздела глаза к небу, осознав, что откровенничает с котом, пусть даже сочувствующим ей.

А тот вздрогнул от прикосновения снежинки, упавшей ему на мордочку. Грейс открыла комод, достала из него одеяло, свернула и положила его на каменный карниз, смастерив нечто вроде гнезда рядом с животным.

– Можешь туда забраться, согреешься... Но давай на этом остановимся.

Она аккуратно закрыла окно, чтобы не прищемить виляющий хвост кота. Потом взяла с ночного столика фонарь и зажгла свечу, которая затрещала в тишине комнаты. Пламя осветило лицо молодой женщины, окрасив в оранжевое ее добрые карие глаза и полные губы. Грейс обернулась.

В окне отражались лишь приятно округлые формы ее фигуры. Кот исчез. Она почти пожалела о том, что он ушел так быстро. Ей бы хотелось, чтобы он настаивал на своем чуть дольше, чтобы снова посмотрел на запретный ящик. Чтобы вызвал в ней чувство вины за то, что она постоянно оттягивает час расплаты.

Грейс подобрала с пола свою одежду, улыбаясь от мысли, что сторонний наблюдатель мог бы усмотреть в этом признаки нетерпения от нахлынувшей страсти. Действительность была куда более прозаичной. Вчера вечером, вернувшись домой позже обычного из-за светского приема у мэра Глазго, она не нашла в себе сил разложить вещи по местам. Появиться на приеме Грейс упростила ее начальник. Проведенное ею расследование убийства в Айонском монастыре наделало много шума, и в течение последних шести месяцев ей, вопреки собственному желанию, пришлось исполнять на многих мероприятиях роль посла полиции Глазго. Держа в руке бокал шампанского, Грейс любезно рассказала в общих чертах обстоятельства громкого дела, а потом, сославшись на необходимость покормить кота, поспешила покинуть вечеринку, чтобы вернуться в тишину и покой своей квартиры.

Она отнесла вещи в корзину для грязного белья и вернулась в гостиную, где свет фонаря скользнул по книжным полкам, занимавшим все стены, за исключением части одной, занавешенной бордовой бархатной шторой. Проходя мимо нее, Грейс немного отшатнулась и почувствовала обычный укол в сердце. Затем она включила радио и легла в центре комнаты на ковер, чтобы сделать утреннюю гимнастику.

Она вполуха слушала ночные новости, следовавшие одна за другой: тревога в Эдинбурге из-за угрозы загрязнения окружающей среды, голосование в шотландском парламенте по вопросу внедрения цифровой идентификации... Закончив гимнастику, Грейс освежилась под душем, оделась и приступила к легкому завтраку, читая «О дивный новый мир»[1 - Роман-антиутопия О. Хаксли (Здесь и далее примеч. пер.)]. И так продолжалось до того момента, когда ее внимание привлек скрип паркета, донесшийся с лестничной площадки.

В этот час в доме обычно просыпалась только Грейс. Она подумала, что это кот нашел способ пробраться в здание, но скрип досок вызвал некто, намного более тяжелый.

Молодая женщина осторожно приблизилась к входной двери. В глазок был виден лишь пустой коридор. Она отперла замок и открыла дверь. Никого. Но на пороге она нашла конверт.

Глава 2

Грейс едва успела увидеть, что конверт формата А4 из крафтовой бумаги. Босая, она бросилась к лестнице, пулей пронеслась по ней вниз и распахнула входную дверь дома. Под бледным светом фонарей в ватной тишине заканчивающейся ночи летали хлопья снега. Ни силуэта, ни звука шагов по тротуару. Никого. Только несколько припаркованных у тротуара машин, припорошенных снегом, и изредка далекое урчание мотора.

Грейс поднялась на четвертый этаж. Конверт лежал на прежнем месте, но она, не обращая на него внимания, постучала в дверь к соседу.

– Кеннет, это Грейс.

Наконец она услышала шаги, и дверь открыл мужчина лет восьмидесяти. Его волосы, густые по бокам головы и редкие на макушке, придавали ему вид немного рассеянного дирижера. Но взгляд был далеко не безумным, а спокойным и глубоким. Он смотрел на молодую женщину с благоговейной симпатией и, казалось, совсем не был удивлен столь раннему ее визиту.

– Заходите, Грейс.

– Нет, я просто хотела вас кое о чем спросить: это вы положили этот конверт к моей двери?

Он с озабоченным видом посмотрел на письмо.

– Нет.

– Вы спали и, стало быть, ничего не видели, ничего не слышали.

– Да, в кои-то веки мне не снились кошмары и не понадобился ваш голос, чтобы меня успокаивать, – улыбнулся он.

Грейс ответила ему легкой понимающей улыбкой.

– Ложитесь спать, – шепнула она.

– Вы хоть скажете мне, что в нем? Как знать? Вдруг признание от тайного воздыхателя.

– Если коты умеют писать, то возможно, если нет, никакого шанса.

Старик вопросительно посмотрел на нее.

– Эта шутка понятна только мне, Кеннет, не сердитесь. Вы же знаете, что значит жить одному. До скорого.

– Хорошего дня, Грейс.

Он закрыл за собой дверь.

Грейс перешагнула через конверт и вошла в свою квартиру, где надела кожаные перчатки. Потом вернулась на лестничную площадку, присела на корточки и взяла пальцами конверт.

Тут она обнаружила, что на обратной его стороне печатными буквами написано:

«ТЫ ИЩЕШЬ НЕ ОДНА».

Что ищешь?

С нетерпением, смешанным с тревогой и настороженностью, Грейс захлопнула дверь квартиры, села на диван, взвесила на руке конверт, в котором, казалось, лежал всего один документ, и решила его распечатать.

Она вытряхнула содержимое на ладонь. Выпал обычный листок с печатным текстом, как будто взятым из передовой статьи в газете:

«Ты отлично знаешь, где начинается дорога к истине.

„Ивнинг таймс“, 14 ноября 1999 года, фото с. 5».

Ошеломленная, Грейс увидела, как листок задрожал между ее пальцев. Разумеется, она отлично знала, где находится эта вырезка из «Ивнинг таймс». Она знала это даже слишком хорошо. Ее взгляд неотвратно обратился к бархатной бордовой шторе. Но кто мог быть в курсе? Кто ей прислал это сообщение?

Растерявшись от нахлынувших вопросов, она была вынуждена мобилизовать всю самодисциплину инспектора полиции, чтобы не поддаваться панике: она отдаст

конверт в научно-технический отдел, чтобы выявить на нем отпечатки пальцев, изучить бумагу на предмет особенностей, позволяющих установить отправителя, а также затребует данные с камер наблюдения в районе, расспросит соседей...

Ты снова лжешь себе, – думала Грейс. – Кем бы ни был таинственный отправитель, ты снова ищешь предлог, чтобы не замечать того, что подстегивает тебя посмотреть!

Она знала единственный вопрос, ответ на который был важен в данную секунду: что было в газетной вырезке, о которой говорилось в послании?

И вот, когда в ней снова ожили призраки и тревоги, Грейс почувствовала захлестывающую ее волну нетерпения, которую она не испытывала уже много лет. Сейчас или никогда! Надо взглянуть в лицо собственным страхам, чтобы получить надежду уничтожить их раз и навсегда.

Она бросилась в спальню, распахнула ящик ночного столика, набрала на пульте код, открыла маленький сейф и извлекла из него ключ с двойной бороздкой, характерной для замков от бронированных дверей.

С влажными от пота руками, она вернулась в гостиную и встала перед шторой, закрывающей единственную часть стены, не занятую книжными полками.

Она трижды сделала глубокий вдох, потом медленно отодвинула штору. За ней была металлическая дверь с выступающими стальными накладками.

Грейс прикусила нижнюю губу, затем ловким движением, остановившим сомнения в ее сознании, вставила ключ в замок и под щелчок хорошо смазанного механизма отперла тяжелую дверь.

Глава 3

Затхлая атмосфера запертой комнаты с запахом старой бумаги была успокаивающей, потому что напоминала Грейс о ее убежище – книгах, и в то же время тревожной, когда молодая женщина думала о словах, напечатанных на

листочках, которыми были завешаны три стены. Уже пятнадцать лет она складывала сюда все документы, которые могли помочь ей открыть двери истины. Но в последние годы, после того, как лихорадочность из ее поисков ушла, она все время откладывала момент, когда следовало сделать выводы из собранных сведений. Она даже не переступала порога потайной комнаты. Один раз сделала это полгода назад и тут же выскочила.

Входя сюда после столь долгого перерыва, она чувствовала себя так, будто открывала для себя работу, сделанную кем-то другим.

На стенах идеально ровными рядами висели десятки пожелтевших газетных вырезок. Они были не только из крупнейших шотландских ежедневных газет, таких как «Ивнинг таймс», «Скотсман», «Скотиш дейли экспресс», но и самых крикливых бульварных газетенки. Некоторые статьи были обведены красным, к другим прилагались прикрепленные рядом разноцветные стикеры с рукописными пометками. Вырезками из прессы были увешаны все стены, кроме той, что находилась напротив входной двери, прикрытой шторой.

С сильно колотящимся сердцем, оробев, почти в панике, Грейс заперла дверь на ключ. Как при входе в церковь направляются к алтарю, она подошла к длинному столу, сделанному из положенной на козлы доски, и встала перед ним. Импровизированный стол занимал центр ее потайной комнаты. Она включила лампу на потолке и внимательно осмотрела статьи, не став сразу специально искать ту, о которой говорилось в письме.

Ей необходимо было постепенно заново привыкнуть к месту и спрятанной здесь информации. Хотя бы для того, чтобы не быть затопленной нахлынувшими тревожными воспоминаниями.

Она пробежала первую колонку статей, датированных с 11 по 14 ноября 1998 года и рассказывающих об исчезновении десятилетней девочки, проживавшей в маленькой деревне Киркоуэн, приблизительно в ста пятидесяти километрах к югу от Глазго. Ребенок не вернулся из школы, которую покинул, как и каждый день, в шестнадцать часов. Девочку видели идущей по направлению к ее дому обычной дорогой через лес. На нескольких фотографиях были изображены держащиеся за руку мужчина и женщина лет сорока, с лицами, на которых отражались страдание и отчаяние; как гласила подпись: «Моника и Даррен Кемпбелл, терзаемые тревогой оттого, что могут никогда больше не увидеть своего ребенка». Пропавшая девочка улыбалась с фотографии,

распространявшейся в то время. У нее была ленточка на голове, поддерживавшая длинные волосы, и ласковый взгляд.

В Грейс зародилось неизъяснимое чувство. Настолько новое, что она смешалась. С тех пор, как начала свои поиски, она, всякий раз глядя на это фото, идентифицировала себя с той маленькой девочкой. Несмотря на то, что ей сейчас уже исполнилось тридцать три года, Грейс все еще была этой девчушкой, так и оставшейся в состоянии невинной и беспомощной жертвы. Она выросла телом, но не сознанием.

В это мгновение ей показалось, что перед глазами у нее портрет кого-то другого. Знакомого, ребенка, который мог бы быть у нее, но не ее самой. Только тогда Грейс поняла, насколько ее изменили испытания, пережитые во время последнего расследования. Она стала свободной женщиной.

Стиснув кулаки, Грейс сдержала ярость, кипевшую у нее в венах. Она знала, что нельзя слепо уступать ей, а, напротив, следует использовать как источник энергии. После этого она просмотрела вторую колонку вырезок из газет, вышедших между 17 и 30 ноября 1998 года, в которых на первый план вышел инспектор Скотт Дайс, ведший дело. Сурового вида мужчина, с вытянутым лицом, отвислыми щеками, наполовину облысевшей головой, который чаще всего заявлял, что не может ничего сообщить о ходе расследования. Журналистов это обижало, и они начали намекать, что, прикрываясь служебной тайной, полицейский пытается скрыть свою некомпетентность. Наконец Грейс просмотрела третью колонку статей, датируемых начиная с 12 декабря и сообщающих о возвращении девочки, которую нашли, когда она шла вдоль дороги.

Грейс села в кресло на колесиках, заставляя себя не отвлекаться от газетных вырезок, в которых, казалось, смаковали страдания ребенка вместо того, чтобы сообщать сведения, полезные для расследования. Убежденная, что ей следует выяснить все подробности и перипетии дела, чтобы придать смысл своей ярости, она попыталась вникнуть в детали событий.

Газеты сообщали, что на теле девочки обнаружены следы насилия. Сама она находилась в прострации и не могла объяснить полицейским, в каком месте ее держали, или вспомнить что-либо о своем заточении. Она смутно помнила лишь свой побег: ей удалось спрятаться в багажнике автомобиля и выбраться из него в тот момент, когда машина остановилась на заправочной станции, чтобы залить

бензин. Она не могла сказать, сколько времени провела в пути. Пряталась за кустами, пока машина не уехала. Говорила, что больше ничего не помнит. Психологи определили эту амнезию как посттравматический шок, ставший для ребенка способом защититься, забыв пережитый ужас. Грейс обхватила голову руками, наморщила лоб и стиснула зубы в тщетной попытке что-то извлечь из памяти. Двадцать три года спустя к ней возвращались какие-то обрывки в форме ярких вспышек. Она видела себя отчаянно борющейся с мужчиной, но лицо его оставалось размытым. Иногда она видела кресло на колесиках. Она чувствовала в руках ручку молотка, потом стальная хватка заставляла ее разжать пальцы. Руки на ней и... прочее было такой абсурдной бездной, что она стерла воспоминания об этом. Единственными элементами, в которых была уверена и о которых сохранила четкое воспоминание, были страх, пережитый в багажнике автомобиля, и встреча с родителями. Только эти две картины и отпечатались в ее памяти.

Грейс повернулась к занавешенной стене и поднялась, чтобы отдернуть штору. Висевшие за ней листки зашуршали. Открылась серия карандашных рисунков. Крупный план, более общая панорама, законченные или незавершенные, все они были посвящены двум сюжетам. Первым был человек, облаченный в разноцветное одеяние, с лицом, скрытым под маской, в которой было лишь две прорези для глаз, чуть более светлые, чем остальной фон.

Грейс помассировала грудь, налившуюся свинцовой тяжестью, и сосредоточилась на втором персонаже. Более мягкие и более точные карандашные штрихи складывались в портрет мальчика лет двенадцати. Взгляд из-под челки выражал глубокую печаль. Последний набросок в серии изображал только глаза, словно воспоминание о видении, замеченном сквозь щель готовой закрыться двери. Точнее: крышки багажника, в который мальчик помог ей спрятаться.

Грейс долго рассматривала разные изображения паренька. Одно она сняла со стены и сунула в карман, чтобы иметь портрет своего спасителя при себе. Потом, с еще большей настороженностью, вернулась к лицу под маской. Какое дьявольское существо под ней скрывалось? Как человечество могло произвести подобного монстра? Этот человек уничтожил ее ради своего гнусного удовольствия. И никак за это не заплатил. Очевидно, он был свободен, благополучен, а она страдала все эти годы. Пришло время использовать опыт, накопленный за время работы в полиции, для того, чтобы самой свершить правосудие, чтобы кошмары наконец перестали терзать ее.

– Где ты, мразь? – выкрикнула Грейс, выплескивая яростную жажду мести, долго развивавшуюся в ней и вот теперь созревшую.

Задыхаясь, упираясь кулаком в стену, она закрыла глаза и стала преобразовывать свою ненависть в холодную и осмысленную ярость. Она должна быть успешной, организованной, профессиональной, какой была бы, пытаясь отыскать палача своей дочери.

Более или менее умирив ярость, она решила найти вырезку из «Ивнинг таймс», на которую указывало таинственное послание.

Грейс нервно подошла к стопке газет в углу комнаты и стала перелистывать их до тех пор, пока не наткнулась на номер «Ивнинг таймс» от 14 ноября 1999 года. То есть почти день в день спустя год после ее исчезновения. Грейс вполголоса прочитала заголовок статьи.

– Дело Кемпбелл по-прежнему не завершено. Из-за неуверенности свидетельских показаний ребенка и упущений инспектора, которому было тогда поручено дело, тайна похищения девочки может навсегда остаться нераскрытой.

Рядом с длинной статьей, излагающей основные элементы истории, на пятой странице действительно находилась фотография. Это был снимок папарацци, и Грейс вздрогнула, увидев, что запечатлел объектив фотографа. На заднем плане она узнала дом своего детства и фигурку девочки. Но был на снимке ясно виден и кое-кто еще.

Ты отлично знаешь, где начинается дорога к истине.

Не важно, кто отправил это послание, подумала Грейс, он прав. Она давно знала, что если надеется пролить свет на это дело, то должна расспросить человека, изображенного на этом снимке.

Вплоть до сегодняшнего дня она боялась этой встречи. Но теперь жажда мести пересилила страх разворошить прошлое.

Настало время спровоцировать конфликт. Даже если приходилось опасаться худшего.

Глава 4

Грейс сделала крюк, чтобы завезти полученный конверт в научно-технический отдел полицейского управления. Она совершенно не представляла себе, кто мог его подбросить. Один из полицейских, расследовавших в свое время ее исчезновение? Сам инспектор Скотт Дайс? Какой-то журналист? Или еще одна жертва, разделявшая ее жажду мести? Вроде того мальчика, который помог ей бежать? Какими бы правдоподобными ни были эти гипотезы, они не объясняли анонимности отправителя.

Все это казалось абсурдом. К тому же, почему этот некто дал о себе знать только сейчас, спустя столько лет?

Получается, что, подталкивая ее к поискам правды, это послание еще больше сгустило тени вокруг расследования.

В управлении Грейс опечатала и зарегистрировала конверт под номером нового дела и передала дежурившему в этот воскресный день эксперту, чтобы попытаться выявить отпечатки пальцев или следы ДНК, которые могли соответствовать имеющимся в полицейских архивах образцам.

– Это связано с делом об убийстве на Айоне? – спросила молодая эксперт, умоляюще глядя на Грейс восторженным взглядом новичка. – Когда я скажу, что помогала вам в этом деле, это очень поможет моей карьере.

Грейс впервые использовала знания коллеги в личных целях, но, даже если это нарушение будет ей дорого стоить, она примет любое наказание, лишь бы получить возможность добраться до своего мучителя и свершить правосудие.

– Да, может быть, связь существует, – солгала она. – Но я бы хотела, чтобы результат вы пока сообщили только мне. Наш обожаемый шеф Эллиот не хочет, чтобы подвергались сомнению последние выводы, за которые он получил кучу

поздравлений от всех местных шишек.

– О'кей, понимаю. Я вам позвоню.

– Если сделаете работу хорошо, обещаю замолвить за вас словечко, когда захотите отсюда перевестись. Идет?

Глаза молодого эксперта заблестели от гордости.

– Положитесь на меня.

Грейс вышла из лаборатории, занесла записку в кабинет своего начальника, Эллиота Бакстера, и под набухшими снеговыми тучами вернулась к своей машине. Посидев несколько секунд, чтобы хорошенько обдумать план предстоящих действий, она отправилась в путь.

Вот уже почти пятнадцать лет Грейс не возвращалась в поселок, где провела детство. В ее памяти он стал чем-то не совсем реальным, словно прошедшие годы укрыли его призрачным туманом, отодвинули на границу яви и грез.

Через два часа после того, как покинула Глазго, она катила по сельской местности под тусклым небом.

В окрестностях Киркоуэна пастбища скрывались под снегом, кое-где встречались рожицы с дрожащими на ветру деревцами, похожими на затерявшихся в тумане изнуренных лошадей.

Грейс сбавила скорость, как выезжающий из туннеля паровозик на ярмарочном аттракционе, и медленно поехала по главной улице еще спящего поселка. Что-то шевельнулось в глубинах памяти, когда она заметила маленькую булочную, куда родители впервые в жизни разрешили ей отправиться одной при условии, что она правильно сосчитает сдачу и не станет разговаривать с незнакомыми людьми.

Не станет разговаривать с незнакомыми...

По соседству еще дремал магазинчик одежды, который, по воспоминаниям Грейс, всегда выглядел заброшенным со своей пыльной витриной и устаревшими платьями, надетыми на бледные манекены с ярко-красными губами. Застывшие фигуры, но чуть-чуть более живые, чем опоры стойки кафе напротив, которые, казалось, каждое утро осушали один и тот же стакан, вяло бормоча какие-то сплетни.

Грейс часто задавала себе вопрос, о чем шептались за ее спиной и за спиной родителей по поводу ее похищения. Не исключено, что некоторые жители поселка знали нечто такое, что могло бы помочь полиции найти похитителя или похитителей. Но ничего не просочилось, как во всех деревнях, где все всё знают, но ничего никому не говорят. В глубине души Грейс разрешила себе ненавидеть этих людей, которые не только не помогли ей, но и смотрели косо, даже с некоторым осуждением.

Она повернула к старому кладбищу, каменные кресты которого укрывал толстый слой снега, и вскоре выехала на дорогу, карабкающуюся по склону холма уже за поселком. Температура медленно опускалась. На голых ветках деревьев лежал иней, туман сгущался. Грейс почувствовала, как в ней горькой волной поднимается предчувствие. Она приближалась.

Грейс ухватилась за свою злость, чтобы не потерять мужества и держаться твердо, после чего резко нажала педаль газа, не сводя глаз с дорожки, прорезавшей заледеневший лес слева. Приступ тревоги, такой сильный, какого она не испытывала уже много лет, оглушил ее. Вцепившись в руль, заглушив двигатель, она закрыла глаза, чтобы прийти в себя. Да, это произошло с тобой здесь, но это прошло, – мысленно повторила она. – Ты больше не та испуганная девочка. У тебя больше нет причин бояться.

Но боль от травмы была упряма, и сердце заколотилось еще сильнее. Грейс в ужасе открыла глаза, почти убежденная, что сейчас кто-то грубо вытащит ее из машины и похитит.

Она подняла подлокотник сиденья, ища коробочку с печеньем, которую обычно прятала там раньше на случай приступа булимии. Но она давно уже заменила ее бутылкой воды.

– Вот идиотка! – обругала она себя.

Фрустрация, по крайней мере, помогла тем, что оживила злость и жажду мести. Если она страдала до такой степени, что в течение долгого времени искала спасения в еде, то только из-за пережитых ею мучений.

Она с новой решимостью повернула голову к дорожке, по которой с тех пор никогда не ходила, и смотрела не моргая, как смотрят в лицо самой страшной опасности. В памяти всплыло все: пугающие шаги за спиной, ранец, который резко дернули назад, нехватка воздуха, когда чья-то вонючая рука зажала ей рот и нос, боль в коленках, когда она ударилась ими о дно кузова фургончика, и такой всеохватывающий ужас, что она от него потеряла сознание.

Пусть раны открыты, но страх ушел, – подумала она.

И нажала на газ.

Ветви деревьев закрывали дорогу, широкие ямы, прорытые дождями, и камни, царапавшие днище, свидетельствовали о том, что за дорогой не следили уже много лет.

Грейс ехала осторожно, опасаясь как рытвин, так и своей реакции, когда прибудет к месту назначения. И вот, через несколько минут, из тумана появился дом.

Молодая женщина заглушила двигатель, загипнотизированная этим пейзажем, относящимся к другой жизни.

Если абстрагироваться от снежного покрова, то ничего не изменилось: сад с зарослями рододендронов, любимое укрытие в еще счастливую пору детства, два розовых куста, карабкающиеся по стене и соединяющиеся аркой над входной дверью. Там для маленькой девочки, которой она была, находился портал в сказочный мир.

Сарай, наследие старой фермы, по-прежнему стоял на своем месте, сбоку от главного здания. Некогда склад старых вещей, в котором можно было найти всевозможные сокровища, он превратился в гараж, когда родители решили купить машину, чтобы возить Грейс в школу после «того случая», как они привыкли называть ее похищение.

Взволнованная сильнее, нежели могла себе представить, Грейс поддалась этой ностальгии, смешанной с отвращением, от которого перехватывало горло. По ее щеке скатилась слеза. Она вытирала ее тыльной стороной руки, когда на телефоне сработал звуковой сигнал о поступившем эсэмэс.

Эллиот Бакстер, ее начальник в управлении, подтверждал, что видел ее заявление о предоставлении внеочередного отпуска на три дня, когда заходил в свой кабинет за папкой досье, и беспокоился, все ли у нее в порядке.

Грейс ответила, что, поскольку срочных дел сейчас нет, она хочет немного отдохнуть. После своей реабилитации в качестве детектива, ей больше не приходилось оправдываться или опасаться произвольных решений со стороны начальства, которое публично поблагодарило ее за работу в деле Айонского монастыря.

Зато, хотела она того или нет, но в это мгновение на нее вновь накатил страх. Страх перед тем, как пройдет ее разговор с той, с кем она не разговаривала уже пятнадцать лет.

Она взглянула на часы: 8.32. Пора.

Несмотря на капюшон парки на меху, накинутый на голову, ее лицо обжег холод и стали колоть иголки снежинок. Она сделала несколько шагов по направлению к дому, слыша только скрип снега под ногами, остановилась перед входной дверью и опустила капюшон на плечи.

Деревенская тишина была такой безграничной, что слышен был едва уловимый шелест хлопьев снега, лежащих на землю и листья. Словно в сказочном королевстве, которое фея погрузила в вековой сон.

Грейс и сама едва не превратилась в застывшую на морозе статую, но вздрогнула всем телом, когда холодная капля растаявшего снега, скатившаяся с розового куста, упала ей на шею. Очнувшись, она нажала на кнопку звонка, пока мужество не оставило ее.

Едва она успела справиться с волнением, вызванным в ней звонком из детства, как послышались приближающиеся шаги. Бряцанье ключей, раздраженные вздохи, звук отпираемого замка, и вот, наконец, дверь открылась.

Грейс почувствовала, что сердце заколотилось так сильно, что к горлу подкатила тошнота. Она шагнула навстречу шестидесятишестилетней женщине, которой из-за седых волос и несколько потерянного вида можно было дать все восемьдесят. Давний лифтинг натянул кожу вокруг ее носа, рта и глаз так, что ее сейчас было трудно узнать. Если бы не высокие скулы и когда-то пухловатые щеки, унаследованные Грейс, та не узнала бы свою мать.

– Думала, это Фрея, моя помощница по дому, уже пришла. Я еще удивилась, почему так рано! Чем могу вам помочь, мисс?

Грейс молчала, не в силах разобраться в том, что же она испытывает: это была хаотичная смесь сожаления, сочувствия и жалости с раздражением и непониманием.

– Ты меня не узнаешь? – пробормотала она.

Ее мать уставилась на нее с удивлением, почти с тревогой.

– Нет... кто вы? Чего вы хотите?

Несмотря на все свои страхи, Грейс не ожидала такой реакции. У нее задрожали ноги.

Тут Моника Кемпбелл нахмурила брови, глаза ее округлились, словно она увидела призрака.

– Господи, – прошептала она, поднеся руку ко рту. – Хендрике? Это ты?

Глава 5

– Значит, ты инспектор полиции в Глазго. Мне это кажется логичным, – сказала мать Грейс после десяти минут разговора.

Дочь коротко рассказала ей, кем стала.

Все это время молодая женщина хотела отстраниться от подростка, которым была, когда еще жила здесь, главное – не идентифицировать себя с той девочкой. Но обстановка сразу же унесла ее на пятнадцать лет назад. Ничего не изменилось. В доме стоял тот же запах навощенного дерева, исходивший от добротной мебели из ореха. В карамельного цвета панелях отражались огни большой люстры с металлическими арабесками, увенчанными абажурами с бахромой. Зеленовато-серый ковер, усеянный черными точками, все так же плохо сочетался со светло-голубыми обоями и лепниной на потолке, еще более удушливой, чем рамки десятков картин, развешанных в шахматном порядке на стенах. Тот же свисток чайника напоминал о длинных дождливых воскресных вечерах, когда она скучала, пока ее мать разгадывала кроссворды.

– Инспектор полиции – это очевидно, – продолжала Моника Кемпбелл. – Сколько раз я заставляла тебя с карманным фонариком в поисках какой-нибудь безделушки. А когда ты не пропадала в сарае, до утра читала детективы... В общем, ты всегда хотела стать той, кто находит.

– Когда была маленькой, я хотела стать дрессировщицей собак, – ответила Грейс, ухватившись за возможность перейти к деликатной теме, которую обе старательно избегали. – Я решила пойти в полицию... после того, как это случилось. Чтобы избавить других детей от участи, выпавшей мне, и, возможно, однажды найти того или тех, кто причинил мне зло.

Ее мать опустила глаза и обхватила голову руками. Слабая искорка жизни, загоревшаяся в ней в начале их разговора, медленно угасала.

– Прости, я не хотела быть такой резкой, – осторожно извинилась Грейс.

Должно быть, ее матери пришлось пережить страшные моменты, раз она так постарела.

Моника Кемпбелл в ответ понимающе махнула рукой.

– Почему ты вернулась, Грейс?

Вопрос матери удивил молодую женщину.

– Значит, не ты прислала мне это письмо?..

– Письмо? Это исключено, я больше не могу писать и не припоминаю, чтобы просила Фрею сделать это для меня. Значит, из-за этого ты здесь? Потому что подумала, будто я тебе написала?

– Нет, нет, совсем не так... Забудь про письмо, оно не имеет никакого значения. Главное – это то, что я приняла решение вернуться... вернуться, чтобы встретиться с моими страхами, а также, чтобы мы сказали друг другу все, чего не сказали тогда, – сумела признаться Грейс с ощущением, будто бросается в ледяную воду. – В частности, почему я ушла из дома в тот самый день, когда мне исполнилось восемнадцать.

У Моники Кемпбелл было такое усталое лицо, что ее дочь спросила себя, не испустит ли та дух прямо сейчас, в этом кресле.

– Ты хочешь упрекнуть меня за твое воспитание после ухода твоего отца, я так должна понимать?

Грейс не ответила. У ее матери была точно такая же интонация, как у свидетеля, который собирается сделать признание. Она нервно теребила цепочку очков, висевших у нее на шее.

– Я растила тебя совсем одна, а после «того случая» больше не могла предоставлять тебе ту же свободу, какая была у других детей. Я так боялась, что с тобой случится новая беда или что ты покончишь с собой. Что, кстати, едва не произошло однажды, когда я нашла тебя в ванне...

Грейс вздрогнула при воспоминании о жесте отчаяния, который совершенно изгнала из памяти.

– Может быть, я бы приняла то, что ты забираешь меня из школы, что запрещаешь моим друзьям приходить ко мне, что читаешь мои письма или слушаешь мои разговоры по телефону, если бы ты хотя бы согласилась поговорить о моем похищении. Но ты отказывалась затрагивать эту тему, утверждая, что не стоит ворошить прошлое, причиняя себе боль, что надо идти вперед. А мне приходилось жить одной с моими кошмарами. И хуже всего то, что надо было притворяться, будто я иду вперед. А я была в панике. Все время. Вот

почему я перерезала себе вены.

Воспоминания вслух об этом мрачном периоде еще больше обострили у Грейс жажду мести.

Она как никогда ощущала груз страданий, тяготевший над ее жизнью пятнадцать лет. И даже если испытывала некоторую досаду по отношению к матери, ее искаженное болью и заботами лицо причиняло Грейс большую боль, чем она могла предположить.

Моника Кемпбелл посмотрела на дочь затуманенными от слез глазами.

– Понимаю, что ты на меня обижаешься, Хендрике. Но я так страдала. Я не могла жить с этим... Я чувствовала себя такой виноватой, что, да, это правда, надеялась, возможно, наивно или, если тебе так больше нравится, эгоистически, на возможность вернуться к нормальной жизни, если мы не будем больше вспоминать эту драму. Кстати, по этой же причине твой отец оставил нас и никогда больше не подавал о себе известий. Потому что не хотел больше слышать об этой истории, которая отравляла ему жизнь. Именно это он крикнул мне в ночь перед своим уходом.

Грейс отвернулась к одному из окон гостиной. Хлопья снега продолжали свое плавное легкое падение. Несмотря на ожесточившую ее боль, она понимала мать. И теперь, став взрослой, даже испытывала сочувствие к горю этой женщины, оставшейся одной с дочерью.

– Представляю себе, как это было тяжело для тебя. Но ты могла бы позволить мне обсудить это с кем-нибудь другим? Хотя бы с подругой или с психологом. Ты знала, как я страдаю. Но ты изолировала меня от мира и просила быть тем ребенком, которого ты знала раньше. Вот почему я ушла из дома. Чтобы не сойти с ума и не умереть.

Ее мать прижала руку к груди, как если бы ей стало тяжело дышать. Грейс почувствовала жалость к ней. Но оставалось задать два щекотливых вопроса. Два вопроса, мучивших ее днем и ночью все эти годы. И даже если она причинит матери этим еще некоторую дополнительную боль, она не сможет жить дальше, не услышав ее ответы.

– Почему ты не обратилась в полицию сразу после того, как я исчезла? Часом раньше, и меня нашли бы прежде, чем...

Моника Кемпбелл поджала губы и отвернулась. Она дрожала, сдерживая слезы.

– Я уже говорила об этом тогда: я думала, что ты у своей подруги Джинни... как всегда по вторникам.

– Накануне я тебе сказала, что Джинни мне больше не подруга, что мы поссорились и завтра я к ней не пойду.

– Значит, ты думаешь, что все это по моей вине... – Голос ее матери задрожал, движения стали неловкими, почти беспорядочными. – Ты пришла через пятнадцать лет, чтобы сказать мне это?

Вид этой растерянной старухи до такой степени задел врожденное сочувствие Грейс, что она даже хотела закончить разговор. Но сейчас была последняя возможность услышать ответы на вопросы, мучившие ее столько лет.

– Я тебя не обвиняю, просто мне всегда было трудно понять, как ты могла забыть эту деталь.

– У тебя есть дети, Хендрике?

– Нет.

Ее мать, усмехнувшись, покачала головой.

– Тогда ты не понимаешь, что значит, делая все по дому, еще и работать, бороться с проблемами щитовидки и жить вместе с мужчиной, который никогда не хотел иметь детей и ежедневно дает тебе понять, что заниматься ребенком должна ты и только ты. Знаю, что это меня не извиняет, но я замоталась... Твоя ссора с подружкой вылетела у меня из головы, я начала беспокоиться, только когда ты не вернулась в обычное для вторников время. Тогда я запаниковала и сразу позвонила в полицию... Я до конца жизни не прощу себе, что так запоздала. До конца жизни.

Грейс со вздохом кивнула. Она ожидала этого ответа матери, но ей необходимо было его услышать. Хотя бы для того, чтобы перестать воображать другое.

- Еще я хотела тебе сказать, что...

На этот раз слова подбирались труднее, а ее мать сидела, опустив глаза, возможно уйдя в загнанные вглубь воспоминания.

- ...Я никогда вам этого не говорила, - продолжала Грейс, - но мне показалось очень странным, что к моменту моего возвращения вы раздали благотворительным организациям все мои вещи, мои игрушки, мои книги и даже мебель из моей комнаты. Хотя меня не было всего месяц...

В гостиной повисла тяжелая тишина. Грейс попыталась поймать взгляд матери, но та упорно смотрела на зеленоватый ковер.

- Это была ошибка, - еле слышно прошептала она. - Инспектор...

- Дайс.

- Он был очень жесткий, очень холодный, бессердечный человек. После двух дней безрезультатных поисков он сказал нам, что шансы увидеть тебя живой практически равны нулю...

Закончив фразу, Моника Кемпбелл заплакала.

- Мне жаль, мне очень жаль, что все произошло именно так, - пробормотала она голосом, прерываемым всхлипами. - Твой отец дал мне две недели передышки, - снова заговорила Моника, подняв голову, с суровым и твердым видом. - А потом он стал говорить, что сохранение твоих вещей только мучает меня, что надо пережить траур, чтобы идти дальше. Он повторял это постоянно...

Она поправила салфетку на столике возле себя, прежде чем заговорить снова:

- Однажды ночью, когда я приняла снотворное, чтобы попытаться немного поспать, он забрал всё из твоей комнаты, загрузил в фургончик, а утром сказал мне, что отдал твои вещи благотворительным организациям, но я всегда

подозревала, что он их попросту выбросил или сжег.

Грейс никогда не была очень близка с отцом, но у нее не создавалось ощущения, что он ее отвергает. И то, что она услышала сейчас, шокировало.

- Он до такой степени меня ненавидел?

- Не в этом дело. Твое исчезновение его, конечно, потрясло, но он не планировал ребенка в своей жизни, и, в некотором роде, как бы ужасно это ни прозвучало, твое исчезновение позволяло ему начать с нуля...

На этот раз Грейс не стала церемониться с подбором слов. Она должна была знать.

- Он мог заказать мое похищение? - прямо спросила она.

Мать подняла на дочь испуганные глаза.

- Что? Нет! Как ты могла такое подумать? Ты действительно...

- Это моя профессия: рассматривать даже невозможные предположения. Ты знаешь, где я могу его найти?

- Нет, он ни разу не давал о себе знать после вынесения постановления о разводе. Может быть, он и умер, а я не знаю. Но послушай, Хендрике, или Грейс, если тебе так больше нравится, твой отец выбрал уход, чтобы на свой манер излечиться и, возможно, заново начать жизнь, сделать ее такой, как он мечтал... до твоего рождения. Он хотел вернуть дорогую ему свободу, даже если ради этого должен был покинуть нас. Думаю, не следует придумывать ничего другого.

Грейс сомневалась, и это отражалось на ее лице. Она спрашивала себя, не ее ли отец был автором анонимного послания. Как если бы он, наконец, захотел попросить прощения.

- Я понимала, что между нами все кончено, - снова заговорила ее мать. - Я смирилась, как бы тяжело это ни было. Так уж устроена наша жизнь. Но ты

всегда, с детства была великодушной, и я умоляю тебя: не нагромождай друг на друга лишние ужасы, подозревая своего отца в самом худшем. Я знаю, что ты ищешь ответы, и не стану говорить, должна ты мне верить или нет, но если ты собираешься искать в этом направлении, прошу тебя, не говори об этом мне. Я хочу дожить свои последние годы... по возможности максимально спокойно.

Грейс прищурила глаза и сплела пальцы. Она попыталась разобраться в своих чувствах к матери. В них была дестабилизирующая двойственность. С одной стороны, сострадательная по натуре, она сочувствовала этой снедаемой виной женщине, которой пришлось пережить исчезновение дочери и равнодушие мужа. С другой стороны, она сожалела о табу и запретах, которые та навязывала ей в ее подростковом возрасте. Но, возможно, она хотела как лучше? Грейс осознала, что раздражение и злость наконец покинули ее сердце. Зато оно оставалось закрытым для любви и привязанности к той, кого она уже больше не называла «мамой».

Что же касается отца, несмотря на отрицания матери, Грейс не могла отделаться от подозрений, которые вызывало его поведение. Она собиралась разобраться в этом вопросе. Но прежде должна была убедиться, что от ее внимания не ускользнуло никакое другое предположение.

– Инспектор Дайс никогда не говорил вам о версии, к которой склонялся, даже если она не привела к результату?

– Этот человек был необщительным. А рот открывал только для того, чтобы рассказывать нам ужасы. Что не надо надеяться, что педофилы столько раз репетируют свои преступления, что практически не допускают ошибок. Что почти нет шансов найти свидетелей, поскольку мы живем в сельской местности. Короче, если однажды он и вышел на след, то нам об этом ничего никогда не говорил. Никогда...

Моника Кемпбелл с отсутствующим видом рассеянно разглаживала складку юбки.

– Он нас уничтожил, твоего отца и меня, – добавила она.

– Что он вам сказал, когда я сумела бежать и вернулась?

Старая женщина издала тихий смешок.

- Что это чудо, а чудес не бывает.

- Он правда вам так сказал?

- Да. А затем передал дело коллеге, который закончил бюрократические формальности.

- Так, значит, не он закрывал дело?

- Нет, мы узнали, что он попросил перевода в другой район по семейным обстоятельствам. Начальство, у которого он вроде был на хорошем счету, пошло ему навстречу. Никаких дополнительных объяснений нам не дали.

- И вам это не показалось странным?

- Показалось. Но в тот момент для меня имело значение только то, что ты жива и рядом со мной. Все остальное было уже не важно.

- Значит, он так и не разъяснил, на что намекал, говоря, что чудес не бывает? Он подозревал меня в том, что я все выдумала?

Мать внимательно посмотрела на Грейс. С начала их встречи она впервые смотрела на нее прямо, глубоким взглядом, не отрываясь.

Молодая женщина была взволнована и выбита из колеи, обнаружив во взгляде матери ту любовь, которую видела в раннем детстве.

- Поскольку ты забыла о многих вещах, - начала Моника Кемпбелл, - полиции было легко усомниться в том, что все это произошло с тобой на самом деле.

- Ты тоже усомнилась? - решила спросить Грейс.

- Я сомневалась в себе, в моей способности защитить тебя, сомневалась в компетентности и даже честности этого инспектора, сомневалась в соседях, в

твоих школьных товарищах, в каждом жителе поселка, с которым сталкивалась на улице, но в тебе никогда. Как я могла?

Я тоже сомневалась и до сих пор сомневаюсь в некоторых воспоминаниях, – подумала Грейс.

– Что я рассказывала после моего возвращения?

– В течение многих дней ничего. Мало-помалу заговорила. Ты сказала, что, когда возвращалась по тропинке из школы, тебя очень крепко схватили сзади и зажали рот рукой, а потом донесли до фургона. Тебе завязали глаза и привязали внутри машины. Что ты потеряла сознание, потом очнулась, когда машина ехала. Что это продолжалось несколько часов, потом тебя заставили дойти вслепую до погруженной в темноту камеры и оставили там одну.

Грейс тоже очень хорошо помнила все эти детали. Или, во всяком случае, очень хорошо помнила, что рассказывала о них.

– Дальнейшие воспоминания были смутными, – продолжала ее мать. – Ты вспоминала какую-то мелодию, звучавшую всякий раз перед тем, как дверь камеры открывалась. Затем входил человек, всегда одетый в разноцветный костюм, потом дверь закрывалась, и ты просыпалась в той же комнате с болью в животе. Медицинский осмотр в клинике после твоего возвращения показал, что...

– Я знаю, – перебила Грейс.

Ее мать поджала губы, подняла глаза к потолку, чтобы сдержать вновь накатившие слезы.

– Потом ты рассказывала об открытой двери, но без фигуры, багажнике автомобиля и, наконец, о том, как шла вдоль дороги до тех пор, пока тебя не подобрала полиция.

– Я никогда не упоминала о другом ребенке? О борьбе со взрослым?

– Нет, – уныло, даже печально ответила ее мать. – Ты вспомнила что-то еще?

– Возможно. Кое-что всплывает в памяти, но очень смутно. Только лицо мальчика, очень четкое. Но я не знаю, кто он.

– Возможно, еще одна маленькая жертва, как и ты...

– Да, наверное, вот только это он меня спас. Это он отпер дверь камеры и посадил меня в багажник машины.

Взволнованная, как пленный, вспоминая солдата-союзника, спасшего его, Грейс вдруг увидела глаза мальчика буквально за мгновение до того, как он закрыл багажник, именно такими, какими нарисовала их.

– Я обязана ему жизнью, – добавила она. – И я не знаю, что с ним стало.

– Тебе хотелось бы его найти...

Грейс достала из кармана один из портретов мальчика, который сняла со стены в своей тайной комнате, и показала его матери.

– Ты никогда не видела меня рисующей это лицо?

Моника Кемпбелл задержала взгляд на рисунке и покачала головой.

– Не думаю. Но ты могла уже тогда рисовать его, не показывая мне. Ты иногда запиралась на ключ в своей комнате, и я не знала, чем ты занимаешься...

Грейс почувствовала, что узнала все, что ее мать могла ей сообщить.

– Мне бы хотелось зайти в мою комнату...

– Да, конечно... – начала Моника смущенно. – Но она стала чем-то вроде комнаты для прислуги, где живет Фрея, моя помощница по дому, когда ночует здесь... Это уже не та комната, которую ты знала.

Грейс положила руку ей на плечо и прошла к лестнице в глубине гостиной, чтобы подняться на второй этаж.

Глава 6

Все стерто. Именно такое ощущение испытала Грейс, войдя в помещение, которое когда-то было ее комнатой. Прежний веселый соломенно-желтый цвет стен сменился темно-коричневым, вместо ее кровати из белого дерева стоял дешевый диван, а рядом с ним – грубый шкаф, даже паркет из светлого бука был сменен на темный дубовый. Вместо яблочно-зеленых занавесок висели серые шторы, погружавшие комнату в полумрак. Давний аромат ванили, шедший от однажды опрокинутого по детской неуклюжести флакона духов, был заглушен запахом затхлости и пыли. Единственным напоминанием о ее детских годах была электрическая розетка, почти оторванная у пола от стены, сохранившей здесь давний соломенно-желтый цвет.

Когда Грейс неуверенно вышла на середину комнаты, пол заскрипел под ее шагами. Невозможно представить, что здесь она прожила половину жизни.

Словно чужая, она открыла шкаф. На полках лежали одеяла и простыни рядом с гладильной доской. Для очистки совести она обыскала ящики, засовывая руку в самые дальние уголки, искала даже под шкафом, но ничего не нашла. Лежа на полу, она заодно проверила, не завалилось ли что-нибудь под диван, и, наконец, села и огляделась по сторонам.

За окном вяло падали хлопья снега, словно пух из подушки. Ни шума проезжающих машин, ни даже мычания коровы или далекого собачьего лая. Ничего. В доме ни шагов, ни голосов, ни приглушенного бормотания телевизора или радиоприемника. Грейс вспомнила, почему нашла убежище в книгах. Чтобы обмануть скуку и несколько часов наслаждаться ощущением бессмертия, которое давали ей эти изложенные на бумаге жизни, порой более реальные, чем ее собственная.

Усевшись на диван, занявший место ее кровати, она увидела себя, ребенка, затем подростка, погруженного в роман, укрывшуюся по пояс одеялом, поджавшую колени, порой поднимающую голову от книги, как просыпающийся человек поднимает голову от подушки, чтобы снова с удовольствием заснуть. И в этот момент ее внимание привлекла одна деталь. Угол стены, расположенный по диагонали относительно ее взгляда, впервые в жизни показался ей пустым.

Как будто раньше что-то всегда мешало его видеть. Она не придавала бы этому значения, если бы в этот самый момент не ощутила сильное неприятное чувство.

Она сосредоточилась, чтобы мысленно реконструировать прежнюю обстановку комнаты, расставить по местам мебель, игрушки... В ее голове следовали одна за другой множество вспышек, и она не была уверена, что сможет отделить воспоминания от игры воображения. После большого усилия перед ней возникла картина, словно наяву: она никогда не видела угол этой стены, потому что перед ним всегда сидел огромный плюшевый медведь. Воспоминание о добродушной морде игрушечного зверя должно было принести успокоение, но при мысли о ней у Грейс начался один из самых сильных приступов страха в жизни.

Шокированная вынырнувшим из тьмы видением, она прижала ладонь ко рту, а перед глазами разворачивалась сцена: ночь, минимум за год до ее похищения, она внезапно проснулась, потому что ей почудилось дыхание рядом с ней. Она увидела в углу комнаты неподвижную человеческую фигуру в странном одеянии. Словно окаменев, девочка была не в силах закричать, чтобы позвать на помощь. Тогда она крепко зажмурилась, сосчитала до ста, а когда открыла глаза, фигуры уже не было. Утром она рассказала об этом родителям, те проверили все двери и окна, но не нашли следов взлома. Они даже заявили в полицию, полицейские записали свидетельские показания Грейс и осмотрели дом, но не обнаружили ничего подозрительного. На всякий случай был выделен патруль, несколько недель наблюдавший за домом. Грейс осмотрел врач, заключивший, что ребенок абсолютно здоров, никаких следов насилия нет. Малышка стала жертвой ночного паралича, неопасного и очень распространенного в ее возрасте явления. Состояние между сном и бодрствованием провоцирует временный паралич мышц, но это вызывает такой ужас, что мозг начинает создавать кошмарные образы, кажущиеся реальными.

С тех пор Грейс узнала, что это в самом деле распространенное явление, действительно провоцирующее страшные галлюцинации. Но в восемь или девять лет трудно принять какое-либо объяснение, когда пережила такой реальный страх; а взрослые тебе просто не поверили. Грейс вспомнила, как решила сама позаботиться о своей безопасности. Она посадила огромного плюшевого медведя в угол комнаты, надеясь таким образом помешать возвращению монстра. Но этим не ограничилась. Теперь она припоминала, что спрятала в комнате еще и оружие. Но где?

Тайник мог находиться где угодно, в одном из предметов мебели или в игрушке, которых здесь больше не было.

Грейс вновь осмотрела комнату. И тут ее взгляд остановился на старой, наполовину вырванной из стены электрической розетке. Неужели она рискнула прикоснуться к ней в то время, хотя родители строго-настрого запретили даже приближаться? И что она могла поместить в такое ограниченное пространство? Не слишком уверенная, она все-таки решила не пренебрегать никакой возможностью.

Грейс встала на одно колено на пол, взяла розетку пальцами и легко отделила ее от стенки. Под ней, где ожидала обнаружить только провода и кусочки гипса, она заметила предмет, засунутый между стеной и корпусом розетки.

Грейс аккуратно вытянула его. Брелок с перочинным ножиком, чуть длиннее мизинца, с шатающимся ржавым лезвием упал на пол. Так вот, значит, оно, ее оружие против страшного человека в странном костюме?

Не хватает только водяного пистолета, заряженного разумеется, – сыронизировала Грейс.

Она спрятала находку во внутренний карман парки и собиралась уже вернуть розетку на место, но тут заметила, что в углублении что-то осталось. Похоже, маленький клочок бумаги. При помощи карандаша, который всегда носила с собой, чтобы делать заметки во время расследования, Грейс, сильно заинтригованная, сумела его извлечь.

Крохотный клочок бумаги был многократно сложен. Вероятно, более тонкими и нежными пальцами того времени, – подумала Грейс, взволнованная этой неожиданной находкой.

Она с величайшей осторожностью развернула бумажку, ожидая найти какое-то откровение, имя, даже рисунок. Но надежда сменилась недоверчивостью.

В развернутом виде листок оказался квадратиком со стороной сантиметра три; однако, места оказалось достаточно, чтобы написать там детской рукой три символа: «S K 2».

Глава 7

Грейс совершенно не помнила этот клочок бумаги. И тем более значение этих двух букв и цифры. Но, если она спрятала это послание в тайник, рядом со своим «оружием», значит, в ее глазах оно имело важнейшее значение.

Это напоминало шифр. Она предположила, что S и K – инициалы, но они не подходили ни ее родителям, которых звали Моника и Даррен, ни тогдашним знакомым. Единственной ее близкой подругой до похищения была Джинни; после возвращения Грейс больше не заводила такой тесной дружбы ни с кем из детей. Инициалы человека, в которого она была тайно влюблена? Еще более невероятно, – сказала она себе. Первая любовь пришла к ней много позже ухода из родительского дома. И потом, зачем такая таинственность? Почему бы не написать имя полностью, если речь шла именно об этом? Защитить упомянутое лицо в случае, если бумажку найдет кто-то посторонний? Или эти буквы не инициалы. Тогда, возможно, они относились к чему-то, что могло позволить найти ее похитителя? Но почему она не сообщила об этом полиции?

– Если только я этого не сделала, – прошептала Грейс, обращаясь к себе самой.

Она поставила розетку на место и вернулась в гостиную, где ее мать небрежно протирала свои безделушки.

Моника Кемпбелл с усталой улыбкой повернулась к дочери.

– Как видишь, я сказала правду: все сильно изменилось. Полагаю, ты ничего не узнала.

– Очень мало... Зато нашла старый тайник, о существовании которого совсем забыла.

– Тайник? Который сохранился спустя столько времени?

– Да, в электрической розетке, расположенной под моей кроватью.

– Ну, если бы я знала о нем в то время, то, как ты догадываешься, не позволила бы тебе так рисковать!

– Я нашла вот этот клочок бумаги. Тебе это что-нибудь говорит?

Моника Кемпбелл водрузила на нос очки и рассмотрела его.

– Совершенно ничего, – заявила она, пожимая плечами. – Что это означает?

– Сама не знаю. После моего возвращения я никогда не упоминала «S K 2»?

– Нет, насколько я помню.

Разочарованная, Грейс взяла бумажку и аккуратно убрала в карман. Снова оказавшись в тупике, она вернулась к тому, кого серьезно подозревала в том, что он владеет ответами на вопросы, окружающие ее похищение.

– Значит, ты не имеешь представления, где я могу найти отца... если он еще жив?

– Ни малейшего. И никогда не пыталась это узнать. Я больше не хотела слышать о нем после того, как он с нами поступил.

– Когда вы подписали бумаги о разводе?

– Я уж и не помню, это было так давно... Почему ты меня этим мучаешь?

– Еще недолго. Просто скажи мне, отец покинул дом сразу после развода?

– Нет, это точно нет. Он сбежал раньше, как подлец.

– Полагаю, ты сохранила официальные документы. Я могу на них взглянуть?

Моника Кемпбелл поднесла руку ко лбу, делая над собой видимое, неприятное для нее усилие, прежде чем признаться дочери.

– Зачем тебе это нужно?

– Потому что там в обязательном порядке указывают адреса обеих сторон. Я могла бы, по крайней мере, узнать, где он жил в то время.

Старая женщина покачала головой, глядя в пустоту, явно погрузившись в эпизод из прошлого.

– Я возненавидела твоего отца в день, когда он нас бросил. Я была так зла, что не желала иметь никаких следов его присутствия в доме. Я все вымыла с порошком, сожгла его письма, написанные в молодости, его подарки, его одежду, которую он не взял с собой, простыни с нашей кровати, обивку дивана, банные полотенца и, в приступе ярости, сожгла даже бумаги о разводе, потому что на них была его подпись...

Грейс не могла ее осуждать за столь радикальный жест, ведь она сама поступила столь же жестко, когда приняла решение жить одной, без семьи, без друзей.

– Мне очень жаль, – продолжала Моника Кемпбелл. – Я вижу, что ты ищешь ответы, а я ничем не могу тебе помочь. Снова...

– Не говори так. Ты сделала, что могла.

Благодарность, которую Грейс прочитала в глазах своей матери, поколебала ее уверенность: правильно ли она поступила, когда сожгла все мосты, соединявшие их? Откуда у нее это неожиданное внезапное желание заключить ее в объятия? В гостиной повисло молчание.

– Мне пора, – сказала наконец Грейс.

– Да, все равно скоро придет Фрея. И потом, у тебя, должно быть, много работы.

– Я взяла отгул, чтобы приехать сюда, и хочу воспользоваться случаем для продолжения моих поисков.

Мать без особой уверенности кивнула.

– Значит, ты вбила себе в голову разворошить прошлое.

– Ты хочешь, чтобы я сообщила тебе, если вдруг что-нибудь найду?

Моника Кемпбелл опустилась в кресло.

– Ты опять на меня рассердишься, если я это скажу, но сегодня мне хочется только покоя. И думаю, что, если начну заново переживать эту драму, это только усложнит мне остаток жизни.

Грейс поняла сказанное.

– Ладно, я пошла, – заключила она, догадываясь, что эти банальные слова станут одними из последних, обращенных ею к матери.

– До свиданья, Хендрике. Будь счастлива.

– До свиданья...

Грейс хотела добавить «мама», но у нее перехватило горло, губы скривились, и она закрыла за собой дверь дома.

В убежище своей машины она переложила найденный в комнате клочок бумаги в пластиковый пакетик, в каких всегда хранила улики с места происшествия.

Грейс смотрела в боковое стекло на дом своего детства, полускрытый снегом. Она не была уверена, но ей казалось, что у окна в гостиной неподвижно застыл силуэт.

Она заколебалась. Может быть, ей следует вернуться и сказать матери, что она все забудет, что бросит это абсурдное расследование, что прошлое это прошлое, а им надо наверстать упущенное время?

Возможно, ей следовало поступить именно так, но Грейс знала, что над их отношениями, над их жизнями бесконечно будут тяготеть незадаанные вопросы. Если она хотела однажды приблизиться к покою, даже к счастью, то должна

была сделать все, чтобы раскрыть правду о трагедии своего детства.

Ей оставалось расспросить двух человек. Если, конечно, они еще живы. Полицейского, который вел дело, и, главное, ее отца. А она не видела способа установить, где он находится.

Благодаря своему привилегированному статусу в полиции Глазго, она с телефона зашла на интернет-сайт архива отдела записи актов гражданского состояния округа Дамфрис, к которому относится поселок Киркоуэн. Поисковая система позволяла найти все постановления о разводе, вынесенные за последние тридцать лет. Меньше чем за пятнадцать минут Грейс обнаружила постановление о разводе Моники и Даррена Кемпбеллов, датированное 12 марта 1999 года. Внизу документа, перед подписью ее отца, стояло название населенного пункта: Уэст-Линтон. Деревня к югу от Эдинбурга.

Она уже хотела тронуться с места, когда в стекло ее машины постучали. Женщина лет пятидесяти, с бабушкиным платком на голове, настойчиво смотрела на нее. Грейс опустила стекло.

– Здравствуйте, вы кого-то ищете? – осведомилась дама неприветливым тоном.

– Спасибо, все в порядке. Я навещала миссис Кемпбелл. Вы...

– Фрея, ее помощница по хозяйству. А вы?

Словам было тяжело преодолеть границу губ.

– Ее дочь.

Женщина в платке, казалось, одновременно насторожилась и оробела. Грейс мысленно спросила себя, что мать могла наговорить о ней такого, что Фрея реагирует подобным образом.

– До свиданья, продолжайте заботиться о моей матери.

Помощница по хозяйству только кивнула в ответ. Она не сводила глаз с машины Грейс до того момента, пока та не скрылась за поворотом тропинки.

Глава 8

По дороге, ведущей в Уэст-Линтон, Грейс задавалась вопросом, сможет ли она поддерживать пламя своего мужества и решительности достаточно долго, чтобы найти тех, кто заставил ее столько страдать.

Когда возбуждение первых часов прошло, она уже не была уверена в том, что ее решимость не притупится по мере появления трудностей. Разговор с матерью, например, принес ей облегчение, но при этом эмоционально опустошил. Где-то в глубине души она чувствовала, что скрытый бой между ее страхами и желанием свободы продолжается.

Случай или игра воображения, но ей вдруг показалось, что по тротуару деревни, через которую она проезжала, идет Наис. Фигура была такой же: высокая, атлетическая, коротко подстриженные светлые волосы и взгляд голубых глаз, поначалу заставлявший ее робеть, а потом придававший ей силы. Две женщины были знакомы совсем недолго, они встретились во время расследования Грейс убийства в Айонском монастыре. Но они пережили вместе столько, что, даже несмотря на трагическую смерть Наис, соединявшая их нить оказалась самой сильной из всех, что когда-либо были в жизни Грейс.

В подтверждение этого робкий огонек доверия вспыхнул с новой силой, словно сама Наис, живая, оказалась рядом с ней.

Стараясь совладать с эмоциями, Грейс остановила машину и в задумчивости уставилась на кольцо на пальце. В этот момент ей позвонили из управления.

– Инспектор, это Джоан, из научно-технического отдела. Я только что закончила экспертизу конверта, который вы передали мне сегодня утром.

– Слушаю вас.

– Никаких отпечатков пальцев. Что касается ДНК, я выявила несколько образцов, но в наших картотеках они не значатся. Сожалею.

– Спасибо за оперативность, Джоан. Как уже сказала, я этого не забуду.

– Удачи, инспектор.

Через два часа Грейс припарковалась на улочке, очертания которой скрыл свежий пушистый снег. Низ дверцы ее автомобиля царапнул образовавшуюся на тротуаре глыбу льда, а Грейс подозрительно оглядела острые сосульки, свисавшие с крыш. Укрытые от непогоды серые и бордовые стены домиков придавали поселку вид горной деревушки, застрявшей в Средних веках. Даже полицейский участок можно было принять за уютное шале, в котором горит керосиновая лампа.

Грейс уклонилась от струйки ледяной воды, едва не попавшей ей за шиворот, когда она проходила под сточной трубой. Она вошла в здание, за стойкой дежурного никого не было, но витал аромат чая и слышалось щелканье клавиатуры из дальней комнаты.

Из кабинета вышла молодая рыжеволосая женщина в полицейской форме, державшая в руке дымящуюся чашку, и приветливо посмотрела на Грейс.

– Добрый день, мэм, чем могу вам помочь? – спросила она, ставя напиток на стойку.

– Меня зовут Грейс Кемпбелл, я инспектор полиции из Глазго, – начала она, показывая служебное удостоверение.

– Ваш визит для нас большая честь.

– Э-э, спасибо... Если у вас есть время, – продолжала Грейс со свойственной ей доброжелательностью, – мне нужна небольшая помощь, чтобы найти... моего отца, который исчез около двадцати лет назад и последнее известное местожительства которого находилось в Уэст-Линтоне.

– Да, разумеется, я могу вам помочь. Я посмотрю по базе данных, есть ли на него что-нибудь.

Молодая сотрудница полиции застучала пальцами по клавиатуре, время от времени поднимая глаза на Грейс, чтобы почтительно ей улыбнуться.

- Вы можете продиктовать мне по буквам его имя и фамилию?

Облокотившись о стойку, Грейс ответила.

- Даррен Кемпбелл... - повторила вслух рыжеволосая сотрудница. - Действительно, имеется адрес: улица Сент-Эндрюс, дом 230.

Грейс не могла поверить, что все окажется так просто.

- Спасибо, я...

- Подождите, мне очень жаль, но на вашего отца зарегистрирована жалоба.

Грейс забеспокоилась.

- В чем дело?

- Ну, квартирная хозяйка, у которой он снимал жилье, подала заявление о невнесении им квартплаты.

- А когда было подано заявление?

- Вот это да!.. - удивилась сотрудница полиции. - Оно зарегистрировано 1 апреля 1999 года!

Грейс догадалась, что это означает.

- Конфликт был улажен?

- Судя по всему, нет. Во всяком случае, в моей базе данных ничего не значится.

- У вас есть адрес домовладелицы?

- Тот же самый. Видимо, она сдавала ему комнату.

- Это далеко отсюда?

- Нет. Когда выйдете, поверните налево, пересечете главную улицу и идите прямо до улицы Сент-Эндрюс. Увидите, это жилая улица.

- Большое спасибо. Имя домовладелицы?

- Лора Данн. Удачи, инспектор.

Грейс быстро пошла по указанному ей маршруту, прокладывая себе путь по не очищенным от снега тротуарам. Ступая сапогами по белому ковру, она перебирала все, что помнила об отце. Ее чувства к нему были противоречивыми. С одной стороны, она помнила его как молчаливого человека, который очень редко целовал ее, поздно возвращался с работы и заговаривал только затем, чтобы дать какой-то практический совет. Он не интересовался ни ее учебой, ни досугом, ни друзьями. Впрочем, она никогда не оставалась с ним один на один, он как будто избегал таких ситуаций. Точно так же и Даррен Кемпбелл, очевидно, мало что знал о своей дочери. Грейс не могла бы точно описать личность своего отца. Она знала, что он работает бухгалтером на металлургическом заводе, курит, регулярно бегают и любит оперу.

С другой стороны, Грейс знала, что он следил, чтобы она ни в чем не нуждалась, даже если согласился завести ребенка больше для жены, чем для себя. Она не раз улавливала обрывки разговоров между родителями, доказывавшие, что он был озабочен тем, как обеспечить для семьи материальное благополучие.

Узнает ли она что-нибудь новое об этом почти невидимом отце, посетив комнату, которую он снимал?

Грейс не строила никаких иллюзий насчет того, что найдет что-нибудь спустя столько времени, но жажда узнать правду теперь настолько укоренилась в ней, что она чувствовала в себе такую энергию, какой не помнила со времени расследования на острове Айона.

В таком настроении она скоро оказалась на пороге маленького домика, перед женщиной лет шестидесяти, одетой в толстый шерстяной свитер, обтягивавший ее выпирающий живот. Едва Грейс произнесла имя Даррена Кемпбелла, как хозяйка дома нахмурилась, перестав жевать надкушенный пончик, который держала в руке.

– Погодите... Даррен Кемпбелл... Ах да! Теперь припоминаю. Меня никогда и никто так не кидал, как он.

– Если хотите, я готова обсудить с вами эту историю, но...

– Вы только подумайте: он живет у меня два месяца, а в одно прекрасное утро я стучу в его дверь и – опля! – никого. Захожу – шаром покати. Собрал свои вещички и смылся не заплатив. Так что, если вы знаете, где он, скажите мне, потому что я в этой истории пострадала!

Опасения Грейс подтверждались. Ее отец не просто покинул семейный очаг, он действительно стремился скрыться. Но только ли потому, что не желал больше иметь ничего общего с этой женщиной и этим ребенком, которого не переносил? Или опасаясь чего-то другого? Совпадение по времени его бегства с возвращением маленькой Хендрике продолжало сеять в мозгу Грейс сомнения. Но у нее не было, во всяком случае пока, никаких доказательств, подтверждающих связь отца с ее похищением.

– Итак, вы заявляете, что с момента его исчезновения не имели никаких известий о нем? – продолжала Грейс.

– Никаких! Судя по вашим вопросам, вам о нем известно не больше моего.

– Коротко говоря – да. Вы не позволите мне заглянуть в комнату, которую он занимал?

Домовладелица слизнула языком с десны прилипший кусочек пончика.

– Честно сказать, я вам не шибко доверяю... Яблоко от яблони, как говорится...

Грейс достала полицейское удостоверение.

– Это моя профессия: находить пропавших людей. Возможно, мне удастся обнаружить какой-то след...

Старуха внимательно рассмотрела удостоверение и, как будто, смягчилась.

– Я готова пустить вас туда покопаться, но вы ж понимаете: столько лет прошло, я сдавала комнату многим. Не знаю, что вы надеетесь отыскать, кроме обрезков ногтей под кроватью и пыли под мебелью.

Домовладелица отправила в рот последний кусок пончика, и Грейс на мгновение увидела себя, какой была два года назад, когда так же уступала этому искушению в длительный период булимии.

Она показала пальцем вглубь дома, чтобы немного поторопить хозяйку.

– Ладно, пошли. Сейчас там живет студент, так что не обращайтесь внимания на кавардак.

Грейс вытерла подошвы о лежавший у порога коврик и вошла в застеленную покрытым пятнами паласом прихожую, где пахло подгоревшим жиром.

– Направо. Раньше это был гараж, но я переоборудовала его в жилую комнату.

Помещение имело площадь примерно в пятнадцать квадратных метров, но казалось меньше из-за разбросанной на полу одежды, валявшихся вокруг стола тетрадей и разворошенной постели.

Грейс попыталась представить себе отца, живущего в этой комнате двадцать с лишним лет назад. О чем он думал? На что рассчитывал?

– Мебель та же, что была тогда? – спросила она квартирную хозяйку, наблюдавшую за ней с порога, скрестив руки.

– Письменный стол куплен недавно, а кровать и комод стояли и тогда.

Грейс приподняла матрас и направила под него луч своего карманного фонарика: куча пыли и одинокий носок. Она отодвинула кровать от стены, но

обнаружила только носовой платок, прилипший к перегородке.

- Вы потом все вернете по местам, правда? - ворчливо спросила хозяйка.

Грейс задвинула кровать на место, затем поочередно открыла ящики комода, отодвигая лежавшую там одежду, чтобы просунуть руку до деревянной стенки.

- К нему кто-нибудь приходил, когда он жил здесь?

- Насколько я помню, нет, но это было давно. А что это за история с вашим отцом? Он ушел к другой женщине?

- Не знаю. Может быть, - ответила Грейс, закрывая последний ящик, в котором ничего не нашла, как и в остальных.

- Если так, то оставьте его в покое. Наверное, ему с ней лучше. Во всяком случае, раз он не вернулся к вам, значит, не хотел. Не нужно принуждать людей, это ничего хорошего не даст.

Грейс поступила с комодом так же, как с кроватью, - отодвинула его от стены, но обнаружила только комки пыли и старую телефонную розетку.

Она поставила шкаф на место и осмотрела комнату в целом. Несмотря на ее решимость, реальность подтверждала ее опасения. У нее не было ни единого шанса обнаружить здесь следы своего отца.

Разочарованная, молодая женщина направилась к выходу, но уже на пороге дома ее мозг внезапно пронзила мысль. Двадцать с лишним лет назад, в 1999 году, мобильные телефоны были далеко не так распространены, как сейчас, люди в основном пользовались стационарными аппаратами.

Грейс бросилась обратно в комнату.

- Эй! Вы куда? - возмутилась домовладелица.

- Кое-что проверить.

Грейс снова отодвинула комод, скрывавший старую розетку, покрытую пылью.

– В комнате стоял телефон в то время, когда здесь жил мой отец?

– Ну да. Старая штукавина с диском. Но теперь ими больше не пользуются. У всех мобильники и вай-фай. Все время забываю ее снять.

– Какая была телефонная компания?

– «Скоттиш телеком», в то время все пользовались ею.

– Счет был отдельным от вашего?

– Неужели вы думаете, я стала бы оплачивать их разговоры! Я зарегистрировала линию на имя Макс Данн. Потому что мне очень нравится имя Макс.

Грейс поблагодарила домовладелицу и дала ей две купюры по пятьдесят фунтов стерлингов в уплату долга отца.

– Это очень любезно с вашей стороны. Таких людей, как вы, сейчас не встретишь, – отреагировала та, любуясь кругленькой суммой.

Грейс попрощалась с ней и поспешила в свою машину.

Она тотчас же набрала номер отдела по связям с полицией компании «Водафон», в которую влился «Скоттиш телеком», назвала свой идентификационный код и попросила прислать ей список звонков на номер и с номера в доме Макса Данна, в Уэст-Линтоне, в январе-марте 1999 года. Ей объяснили, что это займет больше времени, чем обычно, но что они надеются дать ответ во второй половине дня.

Поскольку на часах было тринадцать с минутами, Грейс решила воспользоваться временем ожидания, чтобы перекусить и подумать.

Только она съела рыбу в пабе, где оказалось совсем мало посетителей, как ей пришло сообщение, что список звонков отправлен на ее адрес.

Грейс вытерла губы и открыла файл, присланный оператором. На экране ее мобильного высветился документ, на котором было шестнадцать телефонных вызовов за два месяца. Каждый звонок длился минимум пятнадцать минут. Грейс переписала первый номер на листок бумаги и собиралась проделать то же самое со вторым, но остановила авторучку: номер был тот же.

И все остальные тоже.

С кем это ее отец так часто общался после ухода из дома? Она заплатила по счету и вернулась в машину; теперь ей будет легче звонить. Устроившись в салоне, она набрала таинственный номер.

Трубку сняли после третьего гудка. Женский голос. Молодой.

– Комиссар Кайл, слушаю вас.

Грейс онемела.

– Алло?

– Да, добрый день, комиссар, – взяла она себя в руки. – Говорит инспектор Грейс Кемпбелл из полиции Глазго. Я сейчас веду несколько необычное дело... и хотела бы узнать, известен ли вам некий Даррен Кемпбелл.

– Грейс Кемпбелл... Это вы расследовали убийство на Айоне?

– Да.

– Вы позволите, я проверю вашу личность по моим каналам?

– Разумеется. Но сначала один вопрос: это какой полицейский участок?

– Простите?

– Да, знаю, что это может показаться странным, но я нашла ваш номер в записной книжке подозреваемого и не знала, куда звоню.

– О'кей, понимаю. Это участок Корсторфина, Эдинбург. Так... вот, я вас нашла. Можете назвать мне дату вашего рождения?

– 28 мая 1988 года.

– Правильно, спасибо. Рада познакомиться, инспектор. Итак... Даррен Кемпбелл. Нет, это имя мне ничего не говорит. У вас есть какая-нибудь дополнительная информация?

– Он звонил в ваш участок пятнадцать раз в течение двух месяцев, но это было с января по март 1999 года. Но вы тогда, очевидно, еще не работали.

– О, мне тогда едва исполнилось восемь лет!

– А вы знаете, кто занимал вашу должность в то время?

– Я не знаю, но спрошу у Логана, он здесь давно. Оставайтесь на линии.

Грейс ждала, нервно барабаня пальцами по рулю. Она уже решила, что про нее забыли, когда наконец после пяти бесконечных минут услышала:

– Инспектор Кемпбелл?

– Да.

– Простите, что заставила вас ждать, но даже Логану пришлось искать в архиве. Короче, он все-таки нашел. Человек, который занимал мой кабинет в указанный вами период, здесь больше не работает. Его звали Дайс. Инспектор Скотт Дайс.

Глава 9

Грейс мчалась по дороге с такой же скоростью, с какой в ее голове проносились мысли. Почему отец на протяжении двух месяцев так часто звонил инспектору, расследовавшему ее похищение, хотя заявил, что не желает больше слышать об

этой истории?

По мере того как Грейс рассматривала два объяснения этим звонкам, по ее желудку разливалась кислота. Либо ее отец был расстроен похищением дочери сильнее, чем это показывал, и пытался надавить на Дайса, чтобы сдвинуть расследование с мертвой точки. Но, в таком случае, почему не сказать об этом открыто вместо того, чтобы убегать, не оставив адреса? Либо Даррен Кемпбелл и Скотт Дайс были связаны с тем ужасом, жертвой которого стала Грейс. Это был худший из всех возможных сценариев, которые она могла вообразить, но, к сожалению, он же казался ей все более и более вероятным. На его основе можно было сделать вывод, что один из негодяев раскаялся и прислал ей письмо. Но если он рассчитывал на ее снисхождение, то будет жестоко разочарован.

Грейс припарковала свой джип-паркетник перед полицейским управлением на одном из мест, выделенных для подразделений, занимающихся расследованием убийств и борьбой с терроризмом. Она не знала, как найти отца, но, возможно, ей больше повезет в поисках следов Скотта Дайса.

Над Глазго все еще висели снеговые тучи. Внешне равнодушные к холоду, четверо полицейских с автоматами и в бронежилетах поздоровались с Грейс, когда она шагнула через порог: синий козырек подъезда и большие стеклянные окна, напоминавшие школьное здание, плохо сочетались со здешними суровыми тюремными стенами.

Не имея желания объяснять случайно встреченному знакомому, что она здесь делает в воскресенье, Грейс быстрым шагом пересекла опенспейс и закрылась в своем личном кабинете, который ей вернули после реабилитации; затем она открыла сайт личного состава шотландской полиции. Раз она не могла найти отца, то, для продолжения расследования, оставалось надеяться только на бывшего инспектора.

Разумеется, у нее не в первый раз возникало желание найти Скотта Дайса. Но в последний момент она отступала, потому что у нее начинались такие острые приступы рвоты, что она была не в состоянии продолжать поиски. Очевидно, за этим физическим проявлением тревоги скрывался страх перед тем, что она не выдержит правду о своем прошлом. Это был тот же страх, который заставлял ее годами откладывать разговор с матерью.

Курсор на экране мигал, ожидая, когда она введет запрос. Обхватив руками чашку с обжигающе горячим чаем, Грейс закрыла глаза, готовясь к погружению в собственное прошлое. Она дала теплу керамического сосуда проникнуть в ее запястья, подняться по рукам, охватить плечи и распространиться по груди, а Наис в это время шептала ей в ухо слова поддержки.

Смущенная этим непроизвольно возникшим у нее ощущением, Грейс медленно, но решительно открыла глаза. Затем, набрав пароль, ввела в строку поиска имя детектива и нажала «Ввод».

Мощность современных процессоров не дала ей времени на передышку. Менее чем через две секунды пришел ответ.

Карточка инспектора Скотта Дайса нашлась, но рядом с его именем стояла буква «у». Это означало, что человек уволен из полиции.

По спине Грейс пробежала дрожь, когда она увидела дату увольнения: 22 марта 1999 года, то есть три месяца спустя после того, как было закрыто дело о ее похищении.

Это не могло быть случайностью. Два события слишком близки по времени, чтобы между ними не существовало никакой связи. Чем же инспектор Скотт Дайс так провинился, что заслужил столь радикальное наказание?

В досье, которое было у нее перед глазами, об этом не говорилось. Грейс пришлось ввести личный код безопасности, чтобы получить доступ к дополнительной информации.

На этот раз компьютер искал дольше, а когда, наконец, выдал ответ, Грейс едва не стало плохо.

Скотт Дайс был уволен за совершение двух изнасилований несовершеннолетних в округе Ланаркшир, причем одно отягощенное покушением на убийство, а также за хранение порнографических материалов. В апреле 1999 года он был приговорен к десяти годам лишения свободы, в период отбытия наказания подвергнут химической кастрации. Далее в досье говорилось, что в тюрьме он получил дополнительно еще два года за нападение на сексуальной почве на сокамерника.

После месяца пребывания в одиночке он предпринял попытку самоубийства и был затем помещен под строгое наблюдение в психиатрическую лечебницу. Вышел он оттуда через пять лет и направлен в центр длительной реабилитации в лесах Кэрнгормса, где, по всей вероятности, находится и по сей день, поскольку дата смерти не указана.

Потрясенная, Грейс отодвинула кресло и шлепнула по столешнице ладонью с досадой, которую не смогла сдержать. По мере того как ее расследование продвигалось, вырисовывавшаяся правда оказывалась еще хуже, чем она воображала: полицейский, который должен был ее найти, спасти, сам был педофилом. И самое страшное во всем этом: ее отец тайно поддерживал с ним контакт. Оставалось узнать, был ли Даррен Кемпбелл в курсе отвратительной деятельности инспектора или нет.

Одно несомненно: эти двое поддерживали особые отношения. Их телефонные разговоры всякий раз продолжались не менее четверти часа – выходит, им было что сказать друг другу. Если бы ее отец действительно желал прогресса в расследовании ее похищения, он не стал бы названивать некомпетентному и ни на что не годному полицейскому, а оплатил бы услуги частного детектива, и этот контакт был бы зафиксирован в списке номеров.

Закрыв лицо руками, словно не желая видеть правды, Грейс пыталась вернуть себе спокойствие.

Ценой огромного усилия, концентрации и дыхательной гимнастики ей удалось совладать с нахлынувшими пугающими мыслями. Мало-помалу буря в мозгу улеглась, а перед глазами повисла черная пелена. Она сидела в этой безымянной темноте без боли до тех пор, пока в ее глубинах не забрезжил слабый свет. Он был овальной формы, как лицо, бледное и холодное лицо ее отца, наблюдавшего за ней из самого темного угла ее комнаты.

Грейс вырвалась из своего кошмара, тяжело дыша, со сдавленным горлом. Чтобы попытаться прогнать тревогу, она сходила ополоснуть лицо холодной водой.

Вернувшись, решила пока отложить в сторону вопрос о соучастии своего отца, чтобы сосредоточиться на Скотте Дайсе. То, что она о нем узнала, представляло расследование ее похищения в совсем ином свете.

Грейс теперь не могла исключить вероятность того, что поиски затянулись вовсе не из-за некомпетентности Дайса, а потому, что он покрывал таких же педофилов, каким был сам. Возможно, он даже знал похитителей Грейс и место, где они ее прятали. Его начальники наверняка тоже предполагали такую возможность и допросили Скотта Дайса по этому вопросу.

Грейс придвинулась к компьютеру, чтобы прочитать продолжение досье. Действительно, инспектора допросили о его возможных связях с виновным или виновными в похищении маленькой Хендрике Кемпбелл. Но он утверждал, что никаких связей не существовало. Зато он признал, что намеренно тормозил расследование из убеждений и солидарности с безымянными братьями, которых величал «жертвами общества – истинного виновника в преступлениях на почве педофилии, поскольку оно запрещает детям удовлетворять свою жажду в плотских контактах со взрослыми, вынуждая взрослых нарушать закон, чтобы жить в любви».

Ни в результате обысков в его доме, ни в ходе долгого следствия действительно не удалось установить связь между его собственными преступлениями и «делом Кемпбелл».

Грейс с тяжелым вздохом помассировала виски, разрываясь между раздражением и яростью от бессилия.

Ей хотелось верить, что Скотт Дайс знал больше, чем сказал. Она поискала в Интернете, где находится лечебница в Кэрнгормсе. Судя по дорожному симулятору, выехав сейчас, она достигнет севера страны с его густыми лесами к вечеру.

Она стерла историю своих поисков и, выйдя из кабинета, заперла его на ключ, спрашивая себя, как среагирует бывший инспектор и педофил-насильник Скотт Дайс сегодня, в возрасте восьмидесяти двух лет, увидев гнев и желание отомстить в глазах маленькой Хендрике.

Перед предстоящей ей минимум трехчасовой дорогой Грейс сняла парку и положила ее на пассажирское сиденье. Когда она сворачивала куртку, из кармана выпала бумажка. Грейс подумала, что это найденное ею несколько часов назад в прежней детской комнате сообщение из двух букв и одной цифры «S K 2», но это оказался торопливо нацарапанный телефонный номер, за которым следовало имя «Грег».

У Грейс вырвался вздох сожаления. На вчерашнем коктейле она сделала всё, чтобы молодой заместитель мэра не питал никаких надежд. Да, ей понравились вопросы, которые он задавал. Они были человечнее и, главное, конкретнее вопросов прочих приглашенных. Да, ей было приятно, как он на нее смотрел, и она не могла отрицать, что нашла его милым. Но все это было для нее мимолетным и, в конце концов, незначительным в сравнении с тем, что она почувствовала и пережила с Наис. Не желая становиться одной из тех женщин, которые возбуждают интерес к себе, даже когда все их мысли обращены на кого-то другого, она положила конец этому флирту намеренно высокомерным поведением, которое, как ей казалось, должно было похоронить все надежды кавалера на продолжение. Видимо, она слишком поспешила на проявления холодности.

Грейс подобрала бумажку, разорвала ее и бросила клочки на пассажирское сиденье. Затем выехала на автостраду M80, огибающую Глазго с северо-востока.

Сельский пейзаж, вскоре появившийся за окном, никак не мог соперничать с черными скалами Хайленда, мимо которых она проезжала во время предыдущего своего расследования. Монотонная, с невысокими голыми холмами местность полностью диссонировала с пожиравшим ее огнем злости.

Стремясь успокоить свое мстительное нетерпение, Грейс стала мысленно перебирать новые данные, собранные ею за половину дня. Перевод Скотта Дайса на другое место и уход отца из дома смущали ее все больше и только усиливали подозрения. Она рассчитывала получить ответы бывшего детектива на эти вопросы.

Когда она миновала древний город Перт, на горизонте собрались черные тучи, и минут через пятнадцать температура опустилась до 0 °С. Над дорогой нависла грозная тень, заставлявшая водителей редких на дороге автомобилей включать фары среди дня. Грейс едва успела включить свои, как сильный порыв ветра хлестнул по кузову ее автомобиля, заставив вцепиться в руль обеими руками.

Под ветром пожелтевшая трава клонила к земле и распрямлялась, как тряпичная кукла, которую трясет раздраженный ребенок.

Ветер был таким сильным, что с громким свистом проникал через мельчайшие щели в салон автомобиля. Даже тяжелый автомобиль Грейс раскачивался; удержание его на прямой линии требовало постоянных усилий.

Так что она без сожаления свернула через два часа с шоссе на более узкую дорогу, проложенную через густой сосновый лес. Фары машины образовывали светящийся туннель в этом лишенном четких очертаний мире, где деревья время от времени показывались из тумана, разгоняемого ветром, от порывов которого скрипели их верхушки.

Держась начеку, двигаясь на небольшой скорости, Грейс внимательно всматривалась в дорогу, стараясь не пропустить в тумане поворот. Она уже заподозрила, что сбилась с пути, но тут заметила табличку, указывающую направление к дому отдыха Кэрнгормс. «Дом отдыха...» вечно, – сыронизировала она, увидев облезлые буквы, плесень и обломанные углы таблички.

Дорога пошла под уклон, лес стал реже, ветер снова принялся хлестать по кузову автомобиля. В свете фар возникла металлическая арка с высокими воротами. Склонившаяся над ней сосна раскачивалась с такой интенсивностью, что казалось, будто ее трясет великан, спрятавшийся в темноте.

Грейс надела парку и вышла. Порыв ветра едва не свалил ее с ног. Она пригнулась и подошла к маленькой лампочке, горевшей у двери, видимо, от переговорного устройства.

Прижавшись плечом к столбу, чтобы хоть как-то защититься от ветра, разметавшего ее длинные каштановые волосы, она нажала на кнопку вызова.

– Пост охраны Кэрнгормс, – ответил голос, чья интонация свидетельствовала об удивлении.

– Инспектор Грейс Кемпбелл, полиция Глазго. – Пришлось почти кричать, чтобы ее услышали. – Я хочу допросить одного из ваших постоянцев в рамках расследования уголовного дела.

– Часы посещения закончились. Приезжайте завтра после тринадцати.

Грейс воздела глаза к небу.

– Завтра человек, которого я разыскиваю, возможно, будет мертв, – соврала она. – Полагаю, вы не хотите брать ответственность за это на себя.

Несколько секунд молчания, затем снова тот же голос:

– Покажите мне ваши документы.

Грейс показала.

– Ближе, пожалуйста.

Грейс почти прижала полицейское удостоверение к глазку видеокамеры.

– Кого вы хотите увидеть?

– Скотта Дайса.

Ответа не последовало. Она мысленно взмолилась, чтобы ей сейчас не сообщили, что бывший инспектор умер или что по какому-то прописанному в законах правилу разговоры с ним запрещены.

Прошло тридцать секунд, после чего она услышала писк сработавшего электронного замка, едва различимый за скрипами деревьев и воем ветра.

Она села в машину, заложила за ухо растрепавшуюся прядь волос и въехала на территорию Кэрнгормса. Внутри она проследовала по гравиевой дорожке, по обоим бокам которой росли высаженные через равные интервалы сосны.

Через несколько секунд она наконец заметила корпус пансионата, возвышавшийся в конце этой парадной аллеи: массивное четырехэтажное строение, судя по виду, в прошлом буржуазный дом.

Глава 11

Припарковав машину, Грейс быстрым шагом прошла через парк, в котором в полумраке заканчивающегося зимнего дня различила несколько скамеек и статуй. Несмотря на непрекращающийся ветер, на земле не было ни листочка. Эта аккуратность контрастировала с жалким видом таблички-указателя, виденной ею по дороге. Быть педофилом-насильником, оказывается, прибыльное дело, – подумала Грейс, обходя влекомую горячими конями каменную колесницу, украшающую фонтан. Прогнав свой горький цинизм, она поспешила на свет фонарей, висевших по обе стороны входной двери; ей хотелось поскорее встретиться лицом к лицу с одним из главных действующих лиц своей драмы.

Совладав с раздражением, она поднялась на крыльцо и позвонила. Ей открыли, и она вошла в величественный холл, выложенный каменными плитами. Слабый запах эфира смутно напоминал больницу. В глубине коридора был виден изгиб широкой лестницы, позволяющей подняться на верхние этажи.

Грейс собиралась обратиться к суровому охраннику, сидящему за стойкой, но тут послышался стук каблуков по ступеням.

– Директриса идет, – сообщил охранник монотонным голосом. – Мне нужен документ, удостоверяющий личность, чтобы выдать вам пропуск.

Грейс протянула свое полицейское удостоверение и сдержанно поприветствовала направляющуюся к ней сурового вида женщину. Высокая, худая, лет пятидесяти, темные волосы собраны в узел, тонкие губы почти не заметны на костлявом лице. Она напоминала гувернантку из былых времен.

– Добрый вечер, инспектор. Мне сказали, что вы хотите видеть мистера Скотта Дайса. Его в чем-то подозревают? Принимая во внимание его состояние, меня бы сильно удивило, если бы он нарушил закон в недавнее время...

– Он может располагать важнейшей информацией, относящейся к делу о похищении человека, которое я веду сейчас.

– Не хотелось бы вас разочаровывать, но Скотт Дайс практически не разговаривает, и я даже не уверена, осознает ли он разницу между сном и явью. Он очень стар, к тому же предпринятая несколько лет назад попытка самоубийства оставила свои следы.

– И тем не менее я бы хотела попытаться.

– Да, конечно, – согласилась директор. – Он сейчас в своей комнате. Это на третьем этаже.

Через минуту две женщины уже шли по скрипучему паркету коридора, куда выходили комнаты постояльцев. На стенах были лепнина и старинные картины в потертых рамах, изображающие сельские сценки, коров, лошадей и овец. Вся эта деревенская атмосфера, далекая от больничной суровости, придавала лечебному учреждению сходство со старой усадьбой. Тусклое освещение, характерное для заведений такого типа, уступило место маленьким лампочкам в консолях из акажу, освещавшим коридор через равные интервалы.

– Сейчас время коллективных игр в салоне. – Директор посчитала, что должна объяснить тишину за закрытыми дверями, мимо которых они проходили. – В своей комнате остается только мистер Дайс.

– На этаже сейчас никого больше нет? – удивилась Грейс.

– Разумеется, есть. Дежурная медсестра Кетти.

Она остановилась перед комнаткой, где белокурая молодая женщина с вьющимися волосами укладывала в шкаф коробки с медикаментами.

– Кетти, представляю вам инспектора Грейс Кемпбелл, – сказала директор. – Она из полиции, приехала навестить мистера Дайса. Миссис Кемпбелл, это Кетти Ходжес, дежурная по этажу сестра, которая все знает о своих пациентах.

Та обернулась и поприветствовала детектива; с ее губ явно готов был сорваться вопрос.

– Ничего серьезного, – опередила ее Грейс, которой хотелось поскорее остаться наедине с бывшим инспектором.

– А... ладно, – произнесла в ответ медсестра. – Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мне, не стесняйтесь.

– Спасибо. Так его палата находится...

– Последняя справа. Самая большая и самая тихая.

– Я пойду туда одна, если вы не возражаете, – сказала Грейс, когда директриса двинулась вперед. – Перед уходом я зайду к вам.

– Хорошо, хорошо... как хотите. Значит, я вас оставляю.

– И последнее... У него диагностировали особые заболевания, вроде Альцгеймера?

– Нет. Однако это не значит, что он полностью в себе. Если вы знаете его досюда так же, как я, то вам известно, что у этого человека... насыщенное прошлое.

Насыщенное. Насколько Грейс с сочувствием и пониманием относилась к подозреваемым, настолько же она не переносила, когда кто-то не решался называть преступления преступлениями, а изобличенных преступников тем, кем они были. Даже точные термины были недостаточно красноречивы, чтобы описать страдания жертв, тем более уменьшить их, а подобные уклончивые выражения были сродни новым актам насилия. Из-за нервного напряжения, в котором она находилась, ее раздражение сорвалось с губ быстрее, чем ей бы того хотелось:

– Изнасилование ребенка делает вас не человеком с насыщенным прошлым, а законченным мерзавцем, сломавшим невинную жизнь. Слова имеют значение, если мы хотим сохранить цивилизацию с человеческим лицом.

Директор и медсестра, разинув рот, остолбенели под твердым взглядом Грейс, на которой она была способна, когда считала необходимым установить рамки.

– Да, вы правы, – сдалась директор. – Возможно, Кетти просто не хотела нас смущать, поскольку она, разумеется, в курсе преступлений своего пациента.

Грейс почти не слушала ответ. Этот обмен репликами еще больше усилил ее желание напомнить Скотту Дайсу о его преступлениях и заставить признаться во всем, что он скрыл от полиции в деле о похищении маленькой Хендрике.

– Я буду внизу, с другими пациентами, – сообщила директор.

Она ушла, а медсестра снова принялась укладывать в шкаф коробки.

Через секунду кипящая гневом Грейс была перед палатой Скотта Дайса. Она прижала ухо к двери, но не уловила ни единого звука. Та же мертвая тишина стояла и когда она ждала прихода своего мучителя перед железной дверью отвратительной камеры.

Взяв себя в руки, чтобы не поддаться злости и сохранить профессионализм, она дважды постучала.

Ответа не было. Грейс слышала только удары собственного сердца, внезапно участившиеся. Она заставила замолчать детские страхи, чтобы вернуться к реальности, взялась за дверную ручку, выдохнула из легких отравленный стрессом воздух и открыла дверь.

Комната была погружена в темноту. Единственным источником света была стоявшая на столике у изголовья кровати лампа. Ее тусклый свет оставлял во мраке углы помещения и едва высвечивал смутные очертания кровати, шкафа и стоящего у окна стола, возле которого в кресле-каталке неподвижно сидел Скотт Дайс.

Теперь, когда человек, частично ответственный за ее страдания, был в ее власти, Грейс не знала, что ей делать. Она поймала себя на желании подойти к нему со спины и задушить, выплеснув без остатка всю ту боль, что разрушала ее изнутри двадцать с лишним лет. Нет, она перестала бы быть собой, но разве то, что она вынесла, не оправдывало нарушение ею самых глубоких этических правил? Разве не почувствует она от этой инстинктивной мести большее облегчение, чем от рассудочной справедливости, тормозящей ее первобытные импульсы?

Выбитая из колеи этим внутренним огнем, едва не заставившим ее потерять самоконтроль, Грейс отступила на несколько шагов, готовая выйти из комнаты, чтобы не совершить непоправимое. Прислонившись спиной к двери, она дышала так шумно, что удивительно, как мужчина в кресле не заметил ее присутствия. Осознание этой простой детали позволило ей восстановить контакт с реальностью и напомнило, что она пришла сюда в первую очередь не мстить, а получить ответы на вопросы. Поэтому она заключила сама с собой сделку, решив, что сначала выслушает от него правду, а потом решит, как поступить дальше.

Грейс восстановила ритм дыхания и негромко прочистила горло, чтобы обозначить свое присутствие. Никакого эффекта.

Она медленно приблизилась в темноте. Паркет скрипнул, но человек не шелохнулся. Спит? Глухой? Или находится в состоянии между сном и явью, о котором говорила директор?

Грейс передвигалась осторожно, даже настороженно. Ты больше не маленькая девочка-жертва, – повторяла она себе. – Сегодня ты взрослый человек, и преимущество на твоей стороне. Он всего лишь бессильный старик. Он не способен ничего тебе сделать. И тем не менее она не могла отделаться от мысли, что сейчас он внезапно обернется и набросится на нее, как хрупкая бабушка, внезапно обратившаяся в злого волка, чтобы проглотить маленькую Красную Шапочку.

Она остановилась в нескольких шагах позади него, подавив желание выхватить пистолет. Кровь била в ее висках, словно волна в пирс.

– Скотт Дайс, – позвала она.

Мужчина не реагировал, по-прежнему сидя лицом к окну, за которым виднелись кривые ветки, раскачиваемые ветром. Нервы Грейс не выдержали.

– Я знаю, что вы меня слышите. Я инспектор полиции и мне необходимо задать вам несколько вопросов.

Никакой реакции, даже плечи не вздрогнули.

Он и сегодня продолжал ее мучить, отказываясь облегчить задачу. При мысли о том, чтобы взяться за подлокотники кресла и развернуть его, по спине Грейс пробежала дрожь страха. Она прекрасно знала, что страх этот иррационален, но ее душевные травмы не зарубцевались с годами.

Она убедилась, что входная дверь за ее спиной по-прежнему приоткрыта, после чего с некоторой тревогой взялась за кресло и развернула его.

В ее памяти, как и на фото, вывешенных ею в тайной комнате, Скотт Дайс остался крепким человеком, с несколько одутловатым лицом и большими голубыми глазами. Она ожидала, что он постарел, изменился, но не этого.

Перед ней сидел скелет, обтянутый кожей. Его руки были скрещены на тощей груди. Он был не более чем лишенной эмоций восковой куклой. Глубоко в орбиты провалились два лазурных шарика глаз. Если бы Грейс не видела, что его грудь поднимается и опускается при дыхании, она сочла бы его мертвым. Его отсутствующий взгляд не позволял понять, осознает ли он присутствие рядом с ним другого человека.

Глубоко взволнованная, даже усомнившаяся в личности того, кто находился перед ней, Грейс попыталась найти в нем то, что оставалось от инспектора, которого она знала, когда была ребенком. Не без труда она все-таки отыскала морфологические признаки, не оставлявшие сомнений. В частности, характерную форму рта в виде перевернутой буквы U, придававшую ему вид принесшего дурные вести, сильно выделенную правую надбровную дугу, из-за которой казалось, что он постоянно кого-то подозревает.

Грейс придвинула стул, стоявший у стола, села на него и заколебалась, не зная, как начать.

– Меня зовут... Хендрике Кемпбелл, – произнесла она тихим голосом.

Лицо старика осталось невозмутимым, в его безжизненных глазах не загорелся огонек.

– Вы вели дело о моем похищении около двадцати трех лет назад, – продолжала она. – Хендрике Кемпбелл из Киркоуэна, маленькая девочка, которую вы

оставили умирать, лишь бы только не подвергать опасности ваших дружков-педофилов. Вы меня помните?

Никакого ответа. Слегка наклонив голову, Скотт Дайс смотрел в одну точку, невидимую, а возможно, и несуществующую.

Грейс не хотела верить в то, что он ее не слышит и не понимает сказанного ею. Может быть, притворяется глухим? Или действительно отключился от реальности? Как заставить его среагировать?

Она включила карманный фонарик и направила луч в лицо старика. Зрачки сузились, но он даже не моргнул. Тогда Грейс сунула руку в карман, вынула бумажку, найденную в доме матери, и показала ее бывшему инспектору.

– Я нашла это в своей бывшей детской комнате. Вам это о чем-нибудь говорит?

Пустой взгляд даже не дрогнул.

– Вы его узнаете? – настаивала она, теперь показывая ему портрет мальчика, помогшего ей бежать из ее темницы.

Скотт Дайс оставался невозмутимым и непроницаемым.

Она показала другой рисунок.

– А этот полосатый костюм, который носил мой мучитель... вас это в то время не навело ни на какой след? А это анонимное письмо... Вы положили его ко мне под дверь?

Столкнувшись с этим упорным молчанием, Грейс замахнулась на старика, но вовремя спохватилась, злясь на себя за это проявление насилия.

Она несколько минут ходила по комнате, постепенно злость прошла, вернулось хладнокровие.

– Какой вам смысл уносить ваши тайны в могилу? Скажите мне, кто меня похитил? Кого вы защищали? Если действительно этого не знаете, скажите хотя

бы, что вы скрыли, чтобы затруднить расследование! Сегодня, в вашем возрасте, вы знаете, какое зло совершили. У вас было время поразмыслить. Подумайте о жизнях, которые вы разрушили! Облегчите свою душу перед смертью, Скотт Дайс, и помогите мне спасти мою.

Последние звуки ее голоса угасли в мрачной тишине комнаты. Грейс подошла к мужчине и, преодолевая отвращение, в приступе ярости схватила его за плечи.

– Почему вы продолжаете меня мучить? Это продолжает вас возбуждать даже в вашем нынешнем положении?

Грейс дрожала от жажды мести. Все ее тело жило лишь желанием выплеснуть ненависть, тогда как мозг восставал против поступка, который был ей не характерен. Воспоминания о пытках и унижениях, пережитых ею, в это мгновение вынырнули из глубин памяти и открыли бездну страдания. Слезы ярости затуманили глаза.

Она вонзила пальцы в плечи инвалида и хорошенько его потрянула, но тот не отреагировал. Она могла бы еще больше усилить нажим, если бы не заметила, что руки инспектора не просто скрещены на груди, но цепляются за ткань. Несмотря на сильную тряску, поза Скотта Дайса не изменилась ни на секунду. Заинтригованная этим сопротивлением со стороны человека, не способного уже ни ходить, ни говорить, она разжала яростную хватку и поднесла руку к груди старика.

Под одеждой она почувствовала гладкую твердую поверхность, не имевшую ничего общего с человеческой плотью.

– Что вы там прячете?

– А к этому никто не прикасается, – прозвучал голос у нее за спиной.

Грейс быстро стерла слезы со щек и резко обернулась. Ей понадобилось совсем немного времени, чтобы узнать белокурую медсестру, чья фигура выделялась тенью в дверном проеме.

– Прошу прощения, я увидела, что дверь открыта, а поскольку сейчас мистеру Дайсу пора принимать лекарство, позволила себе войти, – извинилась медсестра, заметив укоризненный взгляд, брошенный на нее детективом. – Я зайду позже. Это не срочно.

– Никто не прикасается? – переспросила Грейс, наклонив голову.

– Это его папка с документами. Он всегда прижимает ее к себе. Даже когда спит.

Заинтересовавшись, Грейс выпятила подбородок.

– А вам известно, что внутри?

Медсестра смутилась.

– Ну же, – подбодрила Грейс, – меня трудно чем-то удивить или смутить.

– Хм, когда его привезли сюда, он время от времени еще разговаривал. Однажды, когда я хотела взять папку, чтобы положить ее в ящик, он стал орать, как будто его убивают. Он мне сказал, что никто к ней не притронется. Что там все его досе на детей и... – молодая женщина даже начала заикаться от неловкости, – и что он хочет их сохранить до самой смерти.

Грейс прищурилась от глубокого отвращения. Даже в этом состоянии он продолжал жить своим извращением.

– Что еще он вам говорил?

– Ничего, – ответила Кетти, пожав плечами. – Он больше не касался этой темы.

Грейс подошла и мягко повела медсестру к входной двери.

– За все эти годы вы наверняка имели возможность заглянуть внутрь папки, верно? Вы бы не позволили одному из ваших пациентов разгуливать с криминальными педофильскими фотографиями, не так ли?

Медсестра выглянула в коридор, чтобы удостовериться, что он пуст.

– Да, я посмотрела, но только для того, чтобы проверить, что внутри нет материалов, запрещенных правилами.

– Ну и что оказалось? – подбодрила ее Грейс.

– Она пуста. В папке ничего нет, абсолютно ничего.

– Что? Но...

– Да, я знаю, это может показаться абсурдным, но наши пациенты покинули свои дома, свои привычки и часто хранят при себе тотемный предмет. Какую-то мелочь из прошлого, которая их утешает, подбадривает.

– Я бы хотела сама в этом убедиться, если не возражаете, – шепнула Грейс, настолько разочарованная, что отказывалась верить словам медсестры.

– Вам не удастся забрать у него папку. Сил у него немного, но тут, я не знаю, откуда он их берет, но всю оставшуюся жизненную энергию он вкладывает в то, чтобы помешать кому бы то ни было прикоснуться к этой папке.

– Возможно, у вас это получится лучше, чем у меня, – предложила Грейс.

Эта идея, похоже, не вызвала у медсестры восторга.

– Я не имею права использовать силу, тем более для того, чтобы завладеть собственностью одного из постояльцев.

– Да, я понимаю, и это делает вам честь, Кетти. Но Скотт Дайс, возможно, располагает материалами, которые могли бы спасти жизнь ребенку, пропавшему чуть больше двенадцати часов назад. В таких случаях нельзя пренебрегать никакой возможностью...

Сиделка пригладила одну из своих светлых прядей, чтобы скрыть смущение.

– Мне придется его усыпить... против его желания.

– Сделайте это. Ответственность за возможные проблемы я беру на себя.

Медсестра глубоко вздохнула. Она размышляла.

– Хорошо, – проронила она наконец. – Я схожу за снотворным.

Медсестра быстро вернулась с таблеткой в руке, села напротив бывшего инспектора. Она ласковым тоном сообщила ему, что пришло время принимать лекарство, и поднесла стаканчик к его губам.

– Вот, хорошо. До скорого, мистер Дайс, – сказала она, уходя.

Она присоединилась к инспектору, оставшейся на пороге комнаты.

– Лекарство подействует минут через двадцать. Я вас оставляю.

Грейс понимающе поблагодарила ее и стала ждать, прислонившись спиной к дверному косяку. Ей показалось, что старик что-то бормочет, но через четверть часа он стал клевать носом, а затем его голова упала на грудь.

Грейс осторожно приблизилась к нему, словно воровка, боящаяся разбудить жертву. Дыхание Скотта Дайса было ровным и шумным. Он крепко спал.

Она взяла его за запястья и почувствовала сильное сопротивление, когда разводила руки в стороны. Бывший инспектор заворчал, и Грейс удвоила осторожность, приподнимая его пижамную куртку, чтобы взять оранжевую папку с обтрепанными краями.

Поспешность, с которой она ее открыла, была столь же велика, как последующее разочарование. Папка действительно была пуста. Ни на ней, ни внутри не было написано ни слова. Для очистки совести Грейс потрясла ею, но из папки ничего не выпало.

Она опустилась на стул перед Скоттом Дайсом и долго смотрела на обмякшее тело того, кто причинил ей столько бед и причинял новые, унося свои тайны в

могилу.

Терзаемая разными чувствами, от досады до уныния, Грейс не могла решиться хладнокровно убить эту человеческую развалину. Она боялась, что это не принесет ей никакого успокоения, а лишь доставит новые страдания.

Взяв себя в руки, Грейс вложила папку в руки старика, чтобы у медсестры не было из-за нее проблем, и покинула комнату, в последний раз взглянув на спящего монстра, который, в своем воображении, прижимал к себе свои маленькие жертвы.

В коридоре, ведущем к лестнице, она услышала голоса, доносящиеся из комнаты дежурной по этажу. Очевидно, что у молодой женщины был напряженный разговор по телефону.

- Меня не для этого готовили! - бросила она. - Ваш подход кажется мне слишком рискованным... для пациента.

Увидев проходящую по коридору Грейс, медсестра прервалась.

- Ну как? - поинтересовалась она, прикрыв ладонью микрофон трубки.

- Вы были правы, папка пуста. Но все равно спасибо за помощь, Кетти.

Грейс направилась к выходу. На первом этаже она заметила директора в помещении, которое, очевидно, было салоном. Двинувшись ей навстречу, она вошла в комнату, где большинство пациентов заведения играли в шахматы, шашки или лото. Среди позвякивания чайных ложечек слышались приглушенные разговоры.

Контраст с тишиной третьего этажа был почти оглушительным. Несколько человек подняли глаза на Грейс, удивленные тем, что видят новое лицо.

- Вы получили желаемые ответы, инспектор? - спросила директор, удаляясь от любопытных ушей.

- Нет. Но он наверняка что-то знает.

– Как я вам уже говорила, даже если он владеет некой информацией, сомневаюсь, что его состояние, физическое и умственное, позволяет ему открыть что бы то ни было. Он уже не совсем с нами...

Грейс отказывалась соглашаться с тем, что ее расследование остановится на этом. Что все ее старания узнать правду о драме ее детства ни к чему не приведут.

– Я вернусь завтра и буду приходить столько, сколько нужно, чтобы он заговорил, – твердо заявила она.

Директор поджала тонкие губы.

– В таком случае вы должны будете представить мне официальные документы, чтобы я позволяла вам регулярно допрашивать постояльца, который не совсем адекватен и чье согласие не может быть получено. Как вы понимаете, мой долг заботиться о здоровье моих пациентов... каким бы ни было их прошлое.

Грейс догадывалась об этом требовании.

– Да, конечно, – ограничилась она ответом, зная, что никогда не получит необходимого разрешения.

Она не представляла себе, чтобы, даже несмотря на ее новый статус, начальство позволило бы ей заниматься расследованием личного дела, используя государственные возможности.

– Тогда я говорю вам до скорой встречи, – закончила директор.

Грейс попрощалась с ней, вернула на посту охраны пропуск посетителя и вышла из теплого здания в холодную ночь.

Ее разочарование было таким сильным, что она даже не чувствовала укусов ветра. Опустив голову, она механическим шагом шла по гравийной дорожке через парк, между деревьями и статуями к автостоянке, ведя борьбу против самой себя, чтобы попытаться найти выход из своего поражения.

На полдороге она оглянулась через плечо. На третьем этаже все окна были темными, кроме одного. В слабом желтом свете вырисовывалась сидящая фигура. Бывший инспектор сидел спиной, как его оставила Грейс, или смотрел на улицу? Толкаемая ветром, с волосами, хлещущими по лицу, Грейс неотрывно смотрела на окно, почти желая, чтобы умирающий Скотт Дайс насмешливо помахал ей рукой.

Но на ее раздражаемые ветром глаза навернулись слезы, а она так и не заметила никакого движения.

Она оставила последнюю надежду и пошла к своей машине, но тут услышала позади себя шаги. Кто-то догонял ее бегом. Едва она успела обернуться, как на нее налетела тень.

Глава 12

Сработал профессиональный рефлекс: Грейс отпрянула назад и выхватила оружие.

– Не стреляйте! – прозвучал запыхавшийся мужской голос.

Человек замер и поднял руки над головой. Грейс ослепила его лучом фонарика, извлеченного из кармана куртки.

– Я не хотел вас пугать, только... догнать... пока вы не уехали.

– Кто вы?

– Меня зовут Лахлан Мак-Куайри, я здешний постоялец.

Седой мужчина, запыхавшийся от бега, положил руки на колени, чтобы восстановить дыхание.

– Чего вы хотите? – крикнула Грейс, чтобы перекрыть шум ветра и шорох ветвей деревьев.

– Я узнал вас в салоне, когда вы разговаривали с директрисой, – ответил он, прикрывая рукой глаза, чтобы защититься от света, который Грейс по-прежнему направляла на него. – Вы ведь инспектор, которую показывали по телевизору в связи с делом об убийстве на Айоне, верно?

– Да, но вы не ответили на мой вопрос.

– А, я так и знал!

Грейс на секунду показалось, что он сейчас попросит у нее автограф.

– Мистер Мак-Куайри, почему вы бежали за мной?

– Я видел, как вы спускались по лестнице, прежде чем войти в салон, и понял, что вы наверняка навещали единственного постояльца, который никогда не выходит из своей комнаты. А так получилось, что моя комната находится рядом с комнатой Скотта Дайса.

– Так, продолжайте, – подбодрила его заинтригованная Грейс.

– Мне необходимо было вам кое-что сказать.

Молодая женщина медленно опустила пистолет и фонарь.

– Я вас слушаю.

– Позвольте, я сяду. Я так давно не бегал... короче, мое сердце не выдерживает.

Грейс направила луч фонаря на каменную скамейку, и старик со вздохом облегчения сел на нее. Она подошла к нему.

– В тот момент, когда это случилось, – начал он, – я не считал нужным сообщить в полицию, потому что о такого рода вещах здесь часто слышишь. Но сегодня вы

здесь, и я подумал, что вас это может заинтересовать. Еще раз... честное слово, я не знаю.

Грейс не хотела торопить пожилого человека, которому требовалось время, чтобы собраться с мыслями. Но ей было холодно стоять неподвижно под порывами ветра. И разлетавшиеся во все стороны волосы мешали рассмотреть собеседника. Поэтому она решила сесть на скамейку рядом с ним.

– Расскажите мне все, мистер Мак-Куайри, я вас слушаю.

Мужчина просунул руки между колен, чтобы согреть их, и съежился. Грейс подумала, что он, должно быть, ооченел в своей легкой футболке.

Она сняла с себя парку и накинула ему на плечи.

– О, как это любезно с вашей стороны. Я выскочил второпях, когда увидел, что вы выходите из здания. Но вы же сами превратитесь в сосульку. Я-то прожил долгую и насыщенную жизнь, и, если придется уйти сейчас, это будет меньшей потерей, чем для вас; вы молоды, у вас впереди прекрасное будущее.

– О, я вполне смогу продержаться пять минут, пока вы будете рассказывать мне то, что знаете о Скотте Дайсе: моим жировым запасам позавидовали бы многие тюлени, – улыбнулась она.

Шутка так развеселила старика, что он чуть не забыл о причине своего присутствия здесь.

– Итак, – спохватился он, улыбаясь, – я его сосед уже три года. Помню, когда я приехал, он был такой же, каким вы, очевидно, нашли его сегодня: немой, отсутствующий, как будто мертвый. Вы согласны, нет?

– Действительно.

– Так вот, сколько я его знаю, он всегда был в таком состоянии... кроме одного дня. Кетти заболела, и ее заменила другая медсестра. Она закрутилась, раздавая медикаменты всему этажу, и Скотт Дайс не получил свои ежедневные таблетки... И тогда произошло... тревожное событие. Да, тревожное.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Роман-антиутопия О. Хаксли (Здесь и далее примеч. пер.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/begle_nikolya/passazhir-bez-lica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)